

Книжная полка

СТАЛИН И МОШЕННИКИ В НАУКЕ (главы из книги)

В.Н. Сойфер

Университет Джорджа Мейсона (США)

Аннотация: Журнал «Политическая концептология» публикует избранные главы из книги «Сталин и мошенники в науке», на русском языке опубликованной в 2012 году в Москве. В них рассказано о судьбе медицинской генетики в СССР.

Ключевые слова: медицинская генетика, евгеника, социализм, антропогенетика, «расовые теории», Институт экспериментальной биологии, медико-биологическая наука.

Предисловие

Участвуя с юности в бандитских группировках, а затем и сам став главарём разбойной банды, Иосиф Джугашвили (Сталин) сумел с помощью Н.И. Бухарина внушить В. Ульянову (Ленину) свою подчинённость, был назначен на руководящую позицию в техническом секретариате Ленина, развернул борьбу против лидеров партии большевиков (прежде всего Л.Д. Троцкого), а затем, как свидетельствуют несколько очевидцев, отравил Ленина и занял его пост в руководстве большевистской партией в 1924 году.

С этого времени он начал непримиримую (и временами почти маниакальную) борьбу против чуждой ему интеллигенции и прежде всего исследователей, провёл в 1929 году через Политбюро ЦК ВКП(б) решение о внесении в устав Академии наук пункта о переключении деятельности учёных с теоретических на практические рельсы «социалистического строительства». Год за годом многие области науки ощутили на себе сталинские запреты (по сути совершенно безумные, а по форме носившие безапелляционно полицейский характер), а отдельные дисциплины были полностью запрещены в СССР. На одном из первых мест среди естественно-научных направлений была медицинская генетика. Медико-генетический институт (первый в мире институт такого профиля) занял безусловно лидирующее положение в мировой науке, но был оболган в советской прессе, а затем закрыт, его директор и ряд сотрудников были арестованы и некоторые из них расстреляны, несмотря на исключительное внимание ведущих специалистов из разных стран к программе исследований в этом уникальном институте, к развитым методам и полученным результатам, опередившим мировую науку на несколько десятилетий.

Сталин знал один метод ответов тем, кто не подчинялся ему безоговорочно — аресты или расстрелы. Масштаб этих кровавых методов, развитая система поклёпов и преследований поражают. Несомненно, ни в одной стране мира за всю историю челове-

ства таких зверств не испытала ни одна наука. В ответ члены АН СССР в декабре 1939 года безропотно поставили свои подписи под документом, принятым по предложению одного из старейших учёных — А.Н. Баха, назвавшего Сталина «корифеем всех наук», что они согласны избрать Сталина своим почётным членом.

Через восемь лет, в августе 1948 года, Сталин повелел категорически запретить в СССР генетику в целом. Российская генетическая наука, развивавшаяся гигантами Н.К. Кольцовым, С.С. Четвериковым, Н.В. Тимофеевым-Ресовским, Б.Л. Астауровым и другими была отброшена назад и по сей день испытывает последствие этого безграмотного и нелепого запрета.

В этом номере помещены главы из опубликованной в 2012 году в Москве на русском языке моей книги «Сталин и мошенники в науке». В них рассказано о судьбе медицинской генетики в СССР.

В.Н. Сойфер
29 ноября 2014 г.
Вашингтон

Глава 9. Н.К. Кольцов и его усилия по зарождению медицинской генетики в СССР

*«Знание какой-нибудь истины
может быть не совсем удобно в известную минуту,
но пройдёт эта минута — и эта же самая истина
станет полезной на все времена и для всех народов».*
Клод Адриан Гельвеций. Об уме¹.

Второй, вслед за философией, научной дисциплиной, разгромленной Сталиным, стала медицинская генетика. Начальный толчок к развитию последней дала евгеника, законы которой сформулировал в последней четверти XIX века английский учёный Фрэнсис Гальтон — двоюродный брат Чарлза Дарвина. Евгеника ставила целью изучить и улучшить наследственность человека². Термин *евгеника* Гальтон произвёл от греческого *Eugene* — породистый. Согласно Гальтону в будущем можно будет найти способы улучшения популяций человека. Позже в ряде стран в Европе и в США перешли к применению принудительной стерилизации «неполноценных людей» — преступников и больных рядом психических заболеваний, приписывая эти шаги к евгеническим процедурам, хотя в первоначальных утверждениях евгеников такой крен к социальным мероприятиям не существовал. Знания о наследственности человека в то время были скудными, и научных оснований для стерилизации не было.

В России стерилизация никогда не применялась, и интерес к евгенике был целиком связан с интересом к генетике человека. Выдающийся русский биолог Николай Константинович Кольцов (1872–1940) в Институте экспериментальной биологии, который он основал на средства благотворителей в 1917 году перед тем, как большевики захватили власть в стране [Adams 1968: 23–29; Science... 1980: 73–204; Chetverikov 1998: 242–278; Польшинин 1969; Астауров, Рокицкий 1975; Сойфер 1969: 110–111; Adams 1990: 187; Сойфер 2002: 32–44,

¹ Гельвеций 1938: 2.

² Фрэнсис Гальтон опубликовал несколько книг о евгенике: *Hereditary Genius*, 1869; *English Men of Science*, 1874; *Human Faculty*, 1883; *Natural Inheritance*, 1889 и другие. В 1875 в С. Петербурге был опубликован русский перевод одной из книг.

Soyfer 2001: 7–13; Сойфер 2002: 402–431], открыл отдел евгеники, который по сути был отделом генетики человека.

Кольцов после окончания Московского Императорского университета несколько лет проработал в лучших европейских лабораториях и выполнил исследования по физико-химии клеток, впервые открыв в 1903 году структуры, поддерживающие форму клеток, которые он назвал «цитоскелетом» [Koltzoff 1903: 680–696; Koltzoff 1906: 364–572; Koltzoff 1906: 855–863; Koltzoff 1908: 1–65.]. Открытие опередило свое время: сначала на заключения Кольцова ссылались и в Европе, и в США, потом из-за установленного Сталиным «железного занавеса» русским учёным обрезали связи с границей, докладов на международных конференциях они не делали, с коллегами почти не общались, о себе не напоминали, Интернета не существовало... и потихоньку более молодые исследователи на Западе «забывали» порыться в библиотеках, чтобы узнать, а не сделал ли кто до них сходных открытий. В 1931 году француз Поль Винтребер и в 1971 году бельгиец Кристиан де Дюв напечатали статьи об обнаружении цитоскелета без упоминания имени Кольцова. Де Дюву даже присудили Нобелевскую премию «за открытия структурной организации клетки».

В 1927 году Кольцов сделал ещё одно фундаментальное открытие: обосновал модель строения наследственных молекул. Он пришёл к выводу, что каждая хромосома должна нести одну гигантскую по размеру молекулу, содержащую наследственную информацию (каждый ген, считал он, это участок наследственной молекулы), причем молекула должна состоять из двух зеркальных нитей [Кольцов 1927: 39–41; 1928, Т. 7: 3–31]. В те годы полимерной химии ещё не было, представить себе молекулы огромной длины, сопоставимой с длиной хромосом (да ещё и двойные), никто не мог. Двойными наследственные молекулы, объяснял Кольцов, должны быть для того, чтобы при делении ядер клеток каждая половинка уплывала бы в одну из двух дочерних клеток, там достраивала бы себе вторую зеркальную половинку и оставалась бы двойной до следующего деления. Процесс достраивания второй половинки был действительно открыт в 1958 году, его теперь называют репликацией и активно изучают (автор открытия Артур Корнберг был удостоен Нобелевской премии за открытие ферментов, осуществляющих репликацию). Кольцов свою гипотезу опубликовал и по-русски, и по-немецки, отправил оттиски разным учёным в Европу и США. Милислав Демерец, в тот момент ставший директором знаменитой теперь Колд Спринг Харборской лаборатории вблизи от Нью-Йорка, даже ответил ему, что всё прочёл, но поверить в правоту Кольцова не может. Кольцов должен был делать доклад об этом открытии в 1939 году в Эдинбурге на 7-м генетическом конгрессе, но советских учёных сталинское правительство туда не пустило (подробно об этом рассказано в главе 16).

Гипотезу о двойных наследственных молекулах в 1953 году снова предложили американец Джеймс Уотсон и англичанин Фрэнсис Крик. На Кольцова они не ссылались (Уотсон много раз уверял меня, что не знал имени Кольцова и не слышал о его гипотезе, хотя университетский учитель Уотсона Герман Мёллер гипотезу своего русского коллеги отлично знал). Уотсону и Крику в 1957 году присудили за их гипотезу Нобелевскую премию.

В 1934 году Кольцов сделал ещё одно важное открытие. В тот год ученик Томаса Морган (американского Нобелевского лауреата и отца хромосомной теории наследственности) Т. Пэйнтер обнаружил в слюнных железах плодовой мухи дрозофилы необычные — гигантские хромосомы. Кольцов объяснил, как они возникают: наследственные молекулы делятся, но не расходятся по дочерним клеткам, а так и остаются рядом друг с другом. Если они проделают такое деление несколько раз кряду, получится необычная (можно сказать, утолщённая) хромосома, обнаруженная Пэйнтером. Кольцов назвал их политенными, подробно описал строение и опубликовал статью в американском журнале *Science* [Koltzoff 1934a: 132–133; 1934b: 1–2; Кольцов 1935: 29–31].

Эти его открытия относятся только к генетике, а он выполнил много исследований в других областях, в сущности основал физико-химическую биологию, был поразительно успешным воспитателем огромного числа молодых учёных, ставших звёздами первой величины, его Институт экспериментальной биологии знали и глубоко чтители учёные мира. Он много писал, выпустил ряд до сих пор не утративших значения книг, организовал издание нескольких важных журналов (в частности, знаменитый и уважаемый журнал «Природа»), стимулировал перевод на русский язык многих капитальных книг и можно продолжать перечислять дела, которые сумел осуществить в своей жизни этот удивительный человек.

В 1918 году Кольцов открыл в своем институте Отделение евгеники. Научная программа подразделения была чисто медико-генетической (такого термина ещё не существовало; сам термин *генетика* ввёл всего двенадцатью годами раньше британский учёный Бэтсон). Генетика человека как наука возникла несколькими десятилетиями позже, потому Кольцов и прибег к слову евгеника при открытии отделения. Сразу два министра (наркома) ленинского правительства — здравоохранения (Н.А. Семашко) и просвещения (А.В. Луначарский) с интересом отнеслись к объявленной программе. Наркомат здравоохранения даже выделил для неё финансовую поддержку. Пусть средства были не очень большими, но в те годы даже ограниченное финансирование было шагом необычным. О своем несомненном интересе к начинанию высказался громогласно, как он это любил делать, друг Кольцова, «пролетарский писатель» Максим Горький.

Руководить отделением Кольцов пригласил из Петрограда Юрия Александровича Филиппченко (1882–1930) [Graham 1977: 1133–1164], который после окончания Санкт-Петербургского университета стажировался два года в Европе и в 1912 году начал изучать наследственную передачу морфологических признаков у животных, а с 1917 года приступил к чтению в Петрограде публичных лекций по евгенике и опубликовал первую статью на эту тему [Филиппченко 1918: 69–95]. Однако долго разрываться между Петроградом и Москвой Филиппченко не пришлось, его вскоре пригласили на ставку полного профессора в Петроградский университет, и он там открыл лабораторию экспериментальной зоологии и генетики [Кайданов 1994: 6–12]. Пришлось Кольцову искать нового заведующего для отдела в институте, и его выбор пал на профессора антропологии Московского университета Виктора Валерьевича Бунака.

Осенью 1920 года Кольцов сумел зародить интерес к изучению проблем наследственности человека не только у биологов, но и у многих терапевтов, психиатров и антропологов. Им было основано Русское евгеническое общество, целями которого стали сбор и анализ родословных выдающихся личностей в истории России (это было определено как «биологическое изучение семей»), разработка вопросников для сбора информации о наследовании болезней в семьях на протяжении нескольких поколений, подготовка научных экспедиций в отдалённые районы огромной страны для сбора вышеуказанной информации. Перечень показывает, что научные задачи общества были посвящены исключительно проблемам, позднее составившим костяк медицинской генетики (позже Кольцов основал Общество расовой патологии).

Кольцов был избран президентом общества, Бунак учёным секретарём, в совет вошли Т.И. Юдин³, Н.В. Богоявленский и А.С. Серебровский [Бунак 1922: 99–101]. Подавляющее

³ Тихон Иванович Юдин (1879–1949) родился в Харькове, закончил Московский университет, специализировался по психиатрии под руководством известного врача В.П. Сербского, работал в Харькове в Сабуровской больнице, участвовал в 1-й Мировой войне, 3 года провёл в плену в Германии, в 1918 году вернулся в Москву и работал в психиатрической больнице П.Б. Ганнушкина. В 1924 году был избран профессором Казанского университета и вице-президентом Всеукраинской Психоневрологической Академии, с 1943 — заведующий кафедрой 3-го Московского мединститута. Его исследования роли наследственности в развитии нервных болезней считаются пионерскими. Автор монографий «Евгеника» (1925), «Психопатические состояния» (1926), «Душевнобольные и психопаты» (1928) и многих научных статей.

большинство членов общества были заинтересованы главным образом в генетике человека, а не в практических мерах по прямому улучшению популяций человека методами стерилизации. В этом было главное отличие русского общества от евгенических программ, развёрнутых в Европе и в США, где принудительная стерилизация не просто применялась широко, а стала законодательно закреплённой практикой. Это объясняет, почему известные психиатры, специалисты по изучению личности и конституции человека, такие как основатель и первый директор Психоневрологического Института в Петрограде академик В.М. Бехтерев или московский психиатр Т.И. Юдин приняли активное участие в работе общества с первого дня его основания.

В 1923 году «Хартия» общества была утверждена Наркоматом Внутренних Дел, и её копия представлена в Наркомат Юстиции для включения во «2-й свод законов Российской Федерации»⁴. Словом, Русское Евгеническое Общество было признано и юридически одобрено советскими властями как законное собрание интеллектуалов.

Отделения Общества появились в Петрограде, Киеве, Саратове, Свердловске, Одессе и Казани [Кутанин 1927: 93–96; Сегалин 1925: 183–197; 1927ф; 1928: 3–22; 1930]. Благодаря высочайшей репутации Кольцова в мире, члены Международного Евгенического Комитета единогласно проголосовали за избрание его 2 декабря 1921 года официальным представителем Российского Евгенического Общества (это было большой редкостью при сложившейся в те годы крайней настороженности мировой общественности к официальным представителям Советской России на всех уровнях; такую настороженность вызвали нередкие шаги советского руководства, выдвигавшего со своей стороны препоны к общению официальных лиц из России с «буржуазными прихвостнями» из зарубежного мира науки или тайно засылавшего большевистских эмиссаров в разные организации). В 1922 году на встрече международного комитета в Брюсселе Россия стала 22-м членом в составе комитета, причём она оказалась среди всего 15 стран, хартия и действия Евгенического общества которой были признаны соответствующими всем требованиям международной общественности [Membership... 1924: 17–20; Eugenics News... 1925: 57]. Этот факт известен в России и сегодня, и потому не могут не вызывать брезгливого удивления попытки некоторых лысенковцев (например, Д. Сахарова — ученика Х.С. Коштоянца, травившего Кольцова в советской России) бросать тень на Кольцова за то, что он, якобы, запачкан своей причастностью к евгеническому движению.

В Петрограде Филипченко основал Бюро по Евгенике в 1921 году при Российской Академии наук [Филипченко 1922а: 1–4; Adams, Filipchenko 1989; Конашев 1994: 22–28; 1994: 23–29]. В 1923 году название было изменено на Бюро по евгенике и генетике, в 1924 году слово генетика в названии было поставлено на первое место, а в 1925 году слово евгеника вообще исчезло из названия Бюро. Это показывает, что и для Филипченко чисто генетические проблемы играли главенствующую роль. В 1930 году, при не до конца выясненных обстоятельствах, несколько крупных советских учёных ушли из жизни в результате развития у них странного скоротечного «менингита». Среди таких ещё совсем недавно здоровых, а потом вдруг в одночасье скончавшихся людей оказался и Ю.А. Филипченко⁵.

⁴ См.: Русский Евгенический Журнал, 1922, т. 1, № 1, стр. 59.

⁵ Ещё Л.Д. Троцкий, оказавшись выдворенным из СССР на Запад, сообщил что сталинский нарком внутренних дел Ягода (фармацевт по специальности, как писал Троцкий) организовал лабораторию по производству ядов. В 1990-е годы в прессе появились сообщения о секретной лаборатории при НКВД, в которой готовили быстро действующие на человека яды и культуры бактерий для борьбы с политическими оппонентами сталинского режима. Одним из руководителей этой лаборатории был полковник НКВД Сергей Н. Муромцев (1898–1960). В газетах его окрестили «советским доктором Менгеле» [Жирнов 2003].

Ещё одной инициативой Кольцова стало создание в 1922 году Русского Евгенического журнала. Филипченко издавал в Петрограде «Новости Бюро по Евгенике» [Лепин, Лус, Филипченко 1925, Вып. 3: 3–82; Филипченко, Лепин 1921, Вып. 1: 39–63; Филипченко 1924a; 1924b]. В кольцовском журнале в 1920-е годы были опубликованы статьи о наследственных болезнях, о браках славян и финнов, еврейском антропологическом типе, поиске общих критериев, полезных для выяснения биологических различий представителей разных национальностей [Филипченко 1922b, Т. 1, Вып. 1: 5–21; 22–38; Дьяконов, Лус 1922, Т. 1, Вып. 1: 72–104; Филипченко 1924a, Т. 2, Вып. 2: 5–28; Филипченко 1924b, Т. 2, Вып. 2, 29–48; Филипченко 1924, Т. 2, Вып. 2: 67–84; Юдин 1924, Т. 2, Вып. 1: 28–49; Сахаров 1924, Т. 2, Вып. 2–3: 117–125; Галачьян, Юдин 1924; Филипченко 1924c; Юдин 1925; Филипченко 1925a: 58]. Кольцов сам также активно включился в эти исследования [Кольцов, Т. 4, Вып. 3–4: 103–143.]. В британско-американском журнале *Eugenical News* регулярно появлялись обзоры статей, опубликованных в Русском евгеническом журнале, и русские публикации неизменно оценивались положительно [Филипченко 1924a; 1924b: 67–84]. Кольцов ясно понимал важность постоянного ознакомления русских учёных с текущими результатами, полученными их западными коллегами, и обзоры западной научной периодики регулярно появлялись на страницах русских журналов [Юдин 1922, Т. 1, Вып. 1: 102–105; Филипченко 1923–24; 1925a, Т. 1: 85–91; 1925, Т. 3, Вып. 2: 145–152; Люблинский 1926, Т. 4, Вып. 3–4: 183–188]. Подобная же страсть к переводу на русский и изданию в СССР многих западных книг была присуща Ю.А. Филипченко и Н.И. Вавилову. Один только список опубликованных в СССР книг впечатляет [Баур; Юрьев 1913; Бумке 1926; Гэтс 1926; Иоганнсен 1933; Иоганнсен 1935; Конклин 1928; Мёллер 1937; Морган 1924; Морган 1927; Морган 1937; Пайнтер, Бриджес 1937; Пеннет 1930; Фриз 1932; Морган 1933: 53–65] (Кроме того, читателей постоянно знакомили с обзорами книг, вышедших на Западе. В частности, были представлены краткие описания книг следующих авторов: Н.В. Siemens (1921), Н. Hoffman (1922), R. Pearl (1922), E. Baur, E. Fisher and F. Lenz (1923), A. Grotian (1923), Т.Н. Morgan (1924), Ch. Davenport (1924), Н.Н. Laughlin (1926) и L. Wausau (1926))⁶.

В 1929–1930 годах без всяких видимых сигналов сверху Кольцов прекратил работу Русского евгенического общества и Русского евгенического журнала. Последний был объединен с «Журналом экспериментальной биологии», где Кольцов также был главным редактором. Ту же процедуру закрытия повторил в Ленинграде Ю.А. Филипченко в отношении «*Новостей Бюро по евгенике*». Начиная с девятого номера, журнал стал называться «*Трудами лаборатории генетики*».

Многие события в стране могли послужить тревожными сигналами для Кольцова. Сталин в это время убрал из правительства двух наркомов, неизменно поддерживавших Кольцова: Луначарского в сентябре 1929 года и Семашко в январе 1930. В 1929 году без законных оснований был арестован ведущий сотрудник кольцовского института и дальний родственник Кольцова, блестяще развивший Отдел генетики в Институте — С.С. Четвериков. В 1929–1930 годах прошли волны арестов людей, обвинённых властями в подпольной подрывной работе против СССР, против сталинских инициатив. Кольцов предпочёл сам остановить работы по медицинской генетике. Он информировал Филипченко 17 декабря 1929 года, что в Главнауке

⁶ Важная роль ознакомления советских читателей с переводами западных научных работ будет позже названа политиканствующими пропагандистами политически ошибочной [Титов 1939: 17–21]. В начале 1930-х годов все библиотеки страны получили секретный приказ удалить с полок открытого доступа западные публикации по евгенике и генетике и переместить их частично в «Спецхран». Также было приказано вырезать из периодических изданий все страницы со ссылками на литературу в этих областях науки (в этом приказе, в частности, был назван «Указатель литературы по евгенике, генетике и селекции», опубликованный К. Гурвичем в *Русском евгеническом журнале* [Гурвич 1928: 121–143]. Согласно сохранившейся записи в Библиотеке АН СССР в Ленинграде эти действия следовало завершить к 31 декабря 1932 года [Конашев 1994b: 97–112].

готовятся внедрить представителей властей в редакционные советы научных журналов, что, как считал Кольцов, «создаст серьёзные затруднения» в их работе [Рукописный отдел РНБ... б/д: ф. 813. д. 363. лл. 48–48 об.]. Возможную роль в решении закрыть общество могло сыграть требование чекистов представить в ОГПУ для перерегистрации полный список всех его членов [Купайгородская 1998].

Глава 10. Грубые нападки на «антропогенетику» Александра Серебровского

*«Отвратительные средства ради благих целей
делают и сами эти цели отвратительными».
А.П. Чехов. Из письма А.С. Суворину⁷.*

Возможно, гневные нападки большевистской печати в 1929–1930 годах на Александра Сергеевича Серебровского (который был ранее студентом Кольцова в Московском университете) послужили дополнительным сигналом для Кольцова закрыть Евгеническое Общество и Общество расовой патологии. Вкратце история этого вопроса сводится к следующему.

Серебровский не был врагом советского режима. Напротив, он постоянно приветствовал, с пафосом в голосе, инициативы советской власти, громко провозглашал свою приверженность советскому строю и большевистской партии (он даже подавал заявление с просьбой принять его в ряды большевиков, но дальше ранга кандидата в члены партии пропущен не был). Многократно он заявлял, что строит свою работу в генетике «под знаменем марксизма-ленинизма»⁸, и писал: «Современная моргано-менделевская теория наследственности имеет все основания считаться выдающимся научным завоеванием и ... упирается вплотную в повседневную деятельность государства в его частях и в целом и потому заслуживает самого внимательного и хладнокровного изучения и обсуждения с разных точек зрения». Он отвергал обвинения некоторых приверженцев марксизма в том, что генетика «...не диалектична, ...не материалистична» и даже «контрреволюционна.» Он обратил внимание на то, что многие большевики с предубеждением относятся к термину «евгеника» и пошёл на явное лукавство: решил реже использовать это слово для своих чисто евгенических занятий, а ввести термин, не несущий ненужного привкуса — «антропогенетика».

Наиболее резкие по тону выпады против него начались, когда он заявил, что готов помочь выполнить вдвое быстрее пятилетний план Сталина. Первая сталинская пятилетка была объявлена в октябре 1928 года. Не только многие лидеры партии и государства, но и интеллектуалы выразили пессимизм по поводу плана, но, например, Вавилов с энтузиазмом отозвался о нем. Серебровский в 1929 году напечатал статью «Антропогенетика и евгеника в социалистическом обществе» [Серебровский 1929: 3–19], в которой не просто поддержал курс на индустриализацию и создание колхозов и совхозов, а пошёл дальше, заявив, что можно ускорить выполнение пятилетнего плана путём искусственного выведения людей с лучшими генетическими признаками. Ругая буржуазию за неспособность следовать рекомендациям евгеников, он декларировал, что, по его мнению, рабочий класс в капиталистических странах должен думать только о социалистической революции (рабочий класс, писал он, «справедливо видит в свержении капиталистического строя единственный радикальный способ уничтожения гнёта и насилия. При капитализме ему не до евгеники» [Там же: 16], а вот уста-

⁷ См.: Чехов 1985, Т. 12: 263.

⁸ Не всем коллегам Серебровского нравились его политические декларации. В частности, Н.И. Вавилов саркастически дал ему такую характеристику в одном из писем: «...мистер Серебровский, профессор Московского университета, диалектик и тому подобное» [Вавилов 1987: 68].

новленные в Советском Союзе порядки позволят достичь то, что совершенно невозможно в мире буржуазно-капиталистическом. Он предлагал применить в гигантских масштабах искусственное осеменение женщин «рекомендованной спермой», собранной от мужчин с выдающимися наследственными способностями.

Заявление о лёгкой возможности осуществления такой программы не обосновывалось ничем, Серебровский даже отмечал, что «техника искусственного осеменения» пока не проверена на человеке и находит «сейчас широкое применение лишь в коннозаводстве и овцеводстве». Доказательств правоты этой декларации в отношении человека Серебровский не привёл. Он ограничился утверждением, что после осеменения громадного числа женщин можно будет провести отбор детей с лучшими генетическими характеристиками. Механизмов отбора он также не описывал, а просто предлагал осуществить в стране следующую программу:

«Решение вопроса по организации отбора в человеческом обществе несомненно возможно будет только при социализме после окончательного разрушения семьи, перехода к социалистическому воспитанию и отделимости любви от деторождения... при сознательном отношении к делу деторождение может и должно быть отделено от любви уж по одному тому, что любовь является совершенно частным делом любящих, деторождение же является, а при социализме тем более должно явиться, делом общественным. Дети нужны для поддержания и развития общества, дети нужны здоровые, способные, активные, и общество в праве ставить вопрос о качестве продукции и в этой области производства.

Мы полагаем, что решением вопроса об организации отбора у человека будет распространение получения зачатия от искусственного осеменения, а вовсе не обязательно от „любимого мужчины“...

Социализм, разрушая частно-капиталистические отношения в хозяйстве, разрушит и современную семью... может быть несколько труднее будет разрушено стыдливое отношение женщины к искусственному осеменению, и тогда все необходимые предпосылки к организации селекции человека будут даны... положительная часть воспитания будет заключаться лишь во внедрении идеи о том, что для зачатия ребёнка должна быть использована сперма не просто «любимого человека», но что во исполнение селекционного плана сперма эта должна быть получена от определённого рекомендованного источника. Напротив, необходимо будет внушить, что срыв этого сложного, на много поколений рассчитанного плана есть поступок антиобщественный, аморальный, недостойный члена социалистического общества.

...Необходимыми предпосылками для этого являются достаточно развитое воспитание и достаточно глубоко и широко пошедшее разрушение современной семьи. Но в нашей стране мы несомненно стоим на пути к этому» [Там же: 16].

Эти декларации противоречили не только общественной и личной морали, они могли быть многими расценены и как абиологические. Автор не мог не понимать этого и отгораживался от возможной критики столь же решительными фразами:

«Утверждают, что «природа» заставляет мужчину стремиться к оплодотворению женщины и получению потомства именно от собственной спермы. Только такого ребёнка-де мужчина и может по-настоящему любить. Та же самая «природа» заставляет женщину стремиться к оплодотворению спермой любимого человека.

Эта точка зрения совершенно неверна и ничем не отличается от взгляда на буржуазные отношения вообще как на «природные», естественные, единственно правильные» [Там же: 17].

Он обещал, что, используя евгенические процедуры, можно выполнить задания сталинского пятилетнего плана всего за два с половиной года. Для такого рывка вперёд нужно

сделать лишь одно: применить в широких масштабах искусственное оплодотворение женщин спермой, собранной от наиболее активных, здоровых и талантливых мужчин. «Если бы нам удалось очистить население нашего Союза от различного рода наследственных страданий, то, наверное, пятилетку можно было бы выполнить в 2,5 года» [Там же: 18].

Обсуждая проблемы генетических патологий и их распределение в СССР, он заявил, что можно осеменить 10 тысяч женщин спермой одного мужчины и что эта практика должна быть организована под контролем большевистских правительственных агентств:

«...при свойственной мужчинам громадной спермообразовательной деятельности... от одного выдающегося и ценного производителя можно будет получить до 1000 и даже 10000 детей. При таких условиях селекция человека пойдёт вперёд гигантскими шагами. И отдельные женщины, и целые коммуны будут тогда гордиться не «своими» детьми, а своими успехами и достижениями в этой удивительной области, в области создания новых форм человека...».

Он основывал свои цифры на данных, полученных в опытах по искусственному осеменению животных методами, развитыми и активно используемыми в практике зоотехнологом Ильей И. Ивановым. В 1909 году Иванов основал лабораторию искусственного оплодотворения животных при Ветеринарном Управлении Министерства внутренних дел царского правительства и сообщил, что в короткий срок будто бы сумел добиться скрещивания зубра и обезьян, зубра и коров, антилоп и коров, мышей и гвинейских хомячков, гвинейских хомячков и кроликов, и других животных. Разработанным им приёмам обучили большое число зоотехников, которые применили их в коневодстве, и к 1914 году было громко объявлено, что по методикам Иванова было получено более шести тысяч голов лошадей с улучшенными свойствами. В результате широкой рекламы имя Иванова стало известно в среде учёных в разных странах мира.

Постепенно Иванова захватывала даже более дерзкая цель — скрестить человека с обезьяной, чтобы произвести на свет существо с невиданно разнообразными физическими характеристиками. В ходу ещё не гуляла произнесённая многими годами позже шутка Бернарда Шоу, ответившего ослепительной красавице на предложение вступить с ним в интимную связь: «А что, если плодом нашей любви станет ребёночек с вашими, мадам, мозгами и моей уродливой внешностью?»

В советские времена в обществе стали фигурировать самые фантазмагорические проекты о переустройстве мира. Иванов понял, что его час пробил. Он испросил 30 сентября 1925 года у Академии наук СССР огромную по тем временам сумму — 10 тысяч долларов, нужную для отправки экспедиции в Африку, где, как он полагал, было бы легче организовать оплодотворение аборигенов обезьянами, и наоборот. Он также послал письма двум наркомам — просвещения А.В. Луначарскому и внешней и внутренней торговли А.Д. Цюрупе. С помощью бывшего личного секретаря Ленина, а теперь управделами правительства Н.П. Горбунова он своего добился. Несмотря на возражения видных биологов, указывавших на нескрещиваемость человека и обезьян, средства ему были предоставлены. Советские начальники решили, что ивановские эксперименты сыграют важнейшую роль в обосновании справедливости тезиса, который занимал в ту пору их умы: помогут ускорить получение доказательств в пользу «...таких важных материалистических проблем как происхождение человека и научно-материалистической (антирелигиозной) пропаганды».

Получив нужную ему сумму, Иванов быстро собрался в экспедицию. В 1926 году он прибыл сначала в Институт Пастера в Париже и с помощью французских коллег заполучил визы во Французскую Гвинею и Гвинею, где он и собирался развернуть свои эксперименты. Однако они все завершились полным провалом. В 1927 г. Иванов вернулся в Советский Союз

и занялся устройством привезённых с собой шимпанзе, пойманных в Африке. Он организовал в Сухуми Институт экспериментальной патологии и терапии — первый в мире научно-исследовательский центр для опытов над приматами. Климат в Абхазии был мягче, чем в холодной России, и шимпанзе прижились. Питомник так и существовал в советские времена в Сухуми, правда, имя Иванова, вскоре арестованного⁹, там старались не афишировать.

Конечно, специалистам, изучавшим столетиями методы скрещивания животных, было прекрасно известно, что есть пределы скрещиваемости видов и что преодолеть их далеко не просто. Когда примерно в те же годы выдающийся российский генетик Г.Д. Карпеченко получил гибрид двух даже не видов, а родов растений, ему пришлось предварительно добиться получения специальных растений с удвоенными наборами хромосом, что вряд ли было бы возможно в отношении человека и обезьян. Поэтому методы, пропагандировавшиеся Ивановым, заявившим, что он разрабатывает новую науку «зоотехнику», вызывали нередко у грамотных биологов в лучшем случае непонимание. Но Серебровский оказался в числе тех, кто был восхищен подходом и революционными декларациями Иванова и не раз говорил, что его антропогенетика была навеяна идеями Иванова.

Пытаясь понять корни легкомысленного отношения Серебровского к пока ещё не прошедшим серьёзной проверки рекомендациям, следует обратить внимание на два момента. Первый — это взрыв интереса широких слоёв советской общественности к всевозможным залихватским проектам, взрыв, рождённый общим оптимизмом и верой, что недалеко то время, когда и природа, и люди, и общество в целом будут перестроены, когда «открытия инженера Гарина» из фантастических книг переключаются в повседневную реальность. Второй — это средоточие власти в руках людей без глубоких знаний — революционеров-заговорщиков, не способных критически оценить серьёзные проблемы естествознания и техники.

Это хорошо показала Конференция по борьбе с засухой, прошедшая в Москве в 1931 году в присутствии Молотова и Калинина. Восторженный приём на ней встретило заявление Лысенко о грандиозном успехе яровизации пшеницы. Другой кудесник — инженер Авдеев (Авава) выступил с проектом орошения заволжских засушливых степей. Он предложил перегородить Волгу в районе Камышина плотиной длиной 4 километра и высотой 37 метров. После этого, заявил он, воды Волги самотёком устремятся по степи в сторону Аральского моря и оросят миллионы гектаров земель [Инженер Авдеев... 1931: 3]. Судьба Каспийского моря автора проекта не волновала, вопросы водного режима и самой Волги и её нового русла не обсуждались, а лишь давалось обещание устранить засуху на огромных территориях и разом накормить страну хлебом.

Другой инженер, Б. Кажинский, предложил посылать в приземные слои атмосферы стратостаты и самолёты с установками для ионизации воздуха, чтобы вызывать искусственные дожди [Инженер Б. Кажинский... 1931: 3]. И снова поражали не столько фантазия автора, свободный полет его мыслей, сколько низкий уровень чисто инженерной проработки проекта: подсчёта влаги в атмосфере над зоной засушливых районов представлено не было, возможности переноса воздушных масс различной влажности и динамика этого переноса в годичные и более протяжённые циклы, вертикальный и горизонтальный массообмены воздуха не изучены, технические возможности того времени не оценены, лабораторная проработка эффективности ионизации отсутствовала.

Тем не менее все три залихватских предложения были с энтузиазмом приняты властями. В газетах появились большие статьи с описанием предлагаемых фантазмагорических проектов. У читателей газет пытались создать впечатление, что в деле борьбы с засухой уже открылись новые эффективные возможности, что, благодаря мощному наступлению на бич

⁹ Иванов был арестован в декабре 1930 г. и обвинён в «нездоровых попытках соединить биологическое и социальное». В партийной прессе надолго прижился новый идеологический ярлык — «биологизаторство».

земледелия, и яровизация, и обводнение степей Заволжья, и искусственное вызывание дождей вот-вот дадут реальный положительный результат. Сегодня мы можем видеть, что ни один из прожектов не ушёл из сферы иррационального, а борьба за урожай и преодоление капризов погоды по сей день остаются нерешенными проблемами.

Но в глазах властей того времени все сомнения ровным счётом ничего не стоили, масштаб реального и иррационального их не волновал. Словесная шелуха обещаний и открытое манипулирование фактами в угоду политическим чаяниям весила в их глазах больше, чем доводы учёных.

Однако от «научных прожектёров» требовалось не переходить опасные границы и уж ни в коем случае не браться поправлять Сталина. К примеру, прозорливость Лысенко заключалась как раз в том, что он чётко осознавал запросы властей, выстраивал свою фразеологию в полном соответствии с мифотворческими и политическими лозунгами дня. Поэтому его словесные победы тиражировали органы советской печати, тотально контролируемые коммунистическими властями, и Лысенко был возведён в ранг героев без единой победы.

Серебровский же не осознал границы дозволенного, в его выступлениях в целом был ясный политический просчёт. Его назойливые повторы приверженности коммунистическим идеалам воспринимались как неискренние. А уж вторжение в сроки индустриализации, попытка радикального изменения планов, выдвинутых Сталиным, были оценены как почти кощунственные. На Серебровского обрушилась лавина критики с разных сторон. Ему пришлось пойти на попятную и срочно опубликовать извинение за свою «биологизаторскую», политически некорректную оплошность [Серебровский 1930а: 447–448].

Был и другой неблагоприятный аспект в попытках Серебровского покрасоваться с политизированными декларациями. Сталин повторял лозунги об увеличении производства нефти, угля, железа, они для него приобрели такую же первостепенную важность, как десятилетиями позже невероятную актуальность в глазах Хрущева стали играть лозунги о том, что большевики скоро перегонят Америку по производству мяса и молока на душу населения страны Советов или что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Лозунгами Сталин, а позже Хрущев кормили народ, обещая им светлое будущее. Над Хрущевым практически в открытую подсмеивались, но во времена Сталина за хиханьки и надсмешечки полагались лагерные сроки.

А Серебровский, желавший идти в ногу со временем и часто добавлявший, как он всем сердцем приветствует мудрые инициативы сталинского руководства, вдруг заявил в печати, что лозунги о нефти, газе и металле ничуть не более важны для страны, чем лозунги о свободном оплодотворении женщин спермой выдающихся самцов. Пропагандисты увидели в этих декларациях издевательство над линией партии, опошление светлых идей и провокацию. Многие в то время поверили, что и сам Сталин выразил резкое неудовольствие выходками профессора из университета. Когда 4 апреля 1930 года в «Известиях» — второй по значимости газете страны — известный пролетарский поэт, живший в Кремле по соседству с вождём и вхожий к Сталину, Демьян Бедный¹⁰, разразился огромной и издевательской по тону поэмой, в которой высмеял идеи профессора Серебровского, пошли разговоры, что Бедный вряд ли сам стал бы интересоваться «Медико-биологическим журналом». Поговаривали, что наверняка это его сосед по Кремлю занарядил выпустить язвительные стрелы в адрес «ошибшегося» генетика. Поэма заняла полстраницы газеты и была направлена не только против Серебровского, но и против науки евгеники как таковой. Не зря Бедный Демьян дал поэме именно такое, совсем непоэтическое название: «Евгеника».

¹⁰ Демьян Бедный (литературный псевдоним Е. Придворова (1883–1945) — крестьянский и пролетарский поэт-примитивист, печатавший агитационные рифмованные призывы и басни на злобу дня.

«Ведь такая проблема!
Такая проблема!
Очень важная тема:
Хотя, дескать социалистическая,
Но почти что... мистическая,
Апокалиптическая,
Черт знает, какая!
В её подоплёку вникая,
Холодный почувствуешь пот.
Вы про «гены» читали?
Вы про «гены» слышали?
Ну, так вот! <...>
У «генов» у ваших «комплекс» несерьезный,
Не та комбинация,
Известно, какая вы нация:
Нечесаная и немытая,
Оспую покрытая,
Дряблая, бросовая,
Как есть стоеросовая...
Пьяная, шалая,
Чертовски отсталая,
Хоть заменившая «мать-перемать»
На «догнать-перегнать»,
Но...
Морда в саже,
А лезет туда же!»¹¹.

Нельзя исключить и того, что Сталина раздражали нередкие высказывания Серебровского в печати о неприемлемости ламаркизма. Сам Сталин, как мы уже знаем, ставил Ламарка выше Дарвина и отвергал Вейсмана, придумал ругательное словечко «вейсманизм», а Серебровский не упускал ни одной возможности, чтобы отвергать идею наследования благоприобретенных признаков, печатал строки против ламаркизма и Ламарка. Он, например, писал: «Хотя в марксистской литературе и встречается у отдельных авторов сочувственное отношение к ламаркизму — из этого вовсе не следует, что ламаркизм тесно увязан идеологически с марксизмом» [Серебровский 1930b: 220] и настаивал: «главная задача биологии заключается в очистке эволюционного учения от ламаркизма». Обвинять марксистов в непонимании элементарных вещей было делом рискованным, тем более, что на стороне людей, восхищавшихся Ламарком, был сам товарищ Сталин.

Конечно, напрямую о таком отношении к Ламарку и Вейсману из уст самого Сталина пока никто ещё не слышал. Только в декабре того же, 1930 года он скажет об этом в беседе с Митиным, Ральцевичем и Юдиным, но и они будут помалкивать о содержании беседы с вождём, и только в 1956 году Митин приведёт малую часть его записей сталинских слов, а весь текст будет опубликован лишь в 2002 году. Однако те, кто работали в непосредственном контакте со Сталиным и кто определял партийную линию в СССР, слышали сталинское определение роли Ламарка из его собственных уст.

Как всегда случалось в то время в научных дискуссиях с участием коммунистов и коммуноидов, последние вносили в дебаты политические нотки. Они утверждали, что лишь идеи ламаркизма соответствуют марксизму, что генетика — это буржуазная наука. Серебровского обвиняли, в частности, в том, что он пытается протащить на советскую землю буржуазные

¹¹ См.: Бедный 1932: 125–141; Фандо, 2002: 604–617.

воззрения, прикрывая свою буржуазную сущность разговорами о приверженности марксизму. Сергей С. Перов, который заявлял, что занимается изучением белков, неизменно принимал участие в спорах на стороне ламаркистов. Он в это время стал сотрудником аппарата ЦК ВКП(б) и заявил во время одной из дискуссий в Москве, что генетики — это настоящие враги советского строя. Подобное заявление было одним из самых опасных, ведь врагов следовало обезвреживать и помещать в тюрьмы и лагеря. Навешивание такого ярлыка было равносильно обвинению в страшном преступлении. И совсем не случайно Д. Бедный, чередовавший в опубликованной поэме стихотворные строки с написанными в прозе замечаниями к ним, не только употребил в приложении к призывам Серебровского термин «контрреволюция», но и вставил обращение к читателям, содержащее прозрачный намёк на возможность перемещения профессора-евгеника Серебровского в среду с тюремно-лагерными условиями:

«Не кажется ли вам, что в профессорской статье о евгенике имеет место более чем «головокружение от успехов»? Не думаете ли вы, что не мешает потрясти немножко автора за шиворот и предложить ему спуститься с заоблачных евгенических небес в более устойчивые и более трезвые условия жизни?»

Такие намёки часто возникали в спорах в те времена. В ход шли политически приправленные горячительные, имевшие целью не истину укрепить, а врага уничтожить, пригвоздить и ославить. Навешивание политических кличек приобрело вид законной практики. С середины 1920-х годов она нашла широкое применение в диспутах между сторонниками ламаркизма, с одной стороны, и генетиками, с другой. Во время одной из таких дискуссий С.С. Четвериков довольно резко высказался о низкой доказательной силе аргументов ламаркистов. В ответ ламаркисты обозвали его врагом большевизма, отпрыском миллионера, бежавшего от революции за границу, и вообще политическим врагом советской власти.

Глава 12. Институт медицинского генетики

«Блестящие основы критических исследований генов самого человека заложены в Медико-генетическом институте в Москве, привлекающем всё большее внимание и сотрудничество врачей. Отсутствие в мире подобных ему учреждений демонстрирует мощь социалистического строя в такой области теоретического исследования, которое может принести величайшую пользу человечеству, но в которой буржуазным учёным, из-за присущей им ограниченности вследствие их предрассудков и индивидуалистических методов нет надежды добиться действительных успехов.»
Герман Мёллер, 1934¹².

В 1924 году московский врач Владимир Филиппович Зеленин (1881–1968) основал в Москве Клинический институт функциональной диагностики и экспериментальной терапии (вскоре переименованный в Медико-Биологический институт), который стал первым в мире научным учреждением такого направления, а в конце 1928 года он открыл в институте Кабинет наследственности и конституции человека. Созданию нового подразделения способствовал интерес передовых биологов и врачей СССР к проблемам наследуемых болезней, различиям в этом отношении между национальностями и к познанию географического распределения патологических генов на территории страны. Научная программа, предложенная директором сотрудникам кабинета, была чистой калькой программы Общества расовой патологии, предложенной Кольцовым и другими основателями Общества. Она включала изучение наследственности в локальных популяциях разных национальностей, а также анализа меди-

¹² См.: Мёллер 1997: 65–94.

цинского статуса однойяцевых (монозиготных) и двуяцевых (дизиготных) близнецов. Руководить кабинетом Зеленин пригласил врача Соломона Григорьевича Левита. Дальнейший расцвет медицинской генетики был связан в значительной мере с именем этого ученого, поэтому стоит рассказать о нем детальнее.

С.Г. Левит (1894–1938) — выходец из беднейшей еврейской семьи — родился в городке Вилкомир (при советской власти город Укмерге Литовской ССР), населённом на 90% евреями. В семье было ещё трое сыновей, С.Г. был младшим. Он окончил реальное училище, затем учился в Виленской казённой гимназии (с 5 класса), с 10 лет зарабатывал себе на хлеб и учёбу репетиторством. В юности он мечтал стать юристом и по окончании гимназии, в 1915 году, поступил на юридический факультет Петроградского университета, но затем разочаровался в своем выборе и решил учиться на врача. Он перевёлся вскоре на естественный факультет Московского Императорского Университета, а в 1919 году записался в Красную Армию и отправился на фронта Гражданской войны. Более года он служил фельдшером, переболел тифом и был демобилизован, после чего продолжил учёбу в МГУ. В 1920 году он вступил в большевистскую партию, а в 1921 году окончил медицинский факультет МГУ и был послан на стажировку на год в Германию (он владел свободно немецким), где работал под руководством профессора П. Ронна — специалиста по физической и коллоидной химии. Таким образом он получил многостороннее образование. Исповедуя марксистские взгляды, он вместе с М.Л. Левиным основал в МГУ кружок врачей-материалистов.

По возвращении из Германии в Россию Левит стал вначале выражать убеждённую в правоте ламаркизма, заявляя, что с марксистской позиции очевидно прямое и быстрое влияние природных и социальных условий на изменение наследственности: «В сущности говоря, пролетариат СССР, а стихийно вслед за ним и большинство русских врачей уже давно признали возможность наследования приобретённых признаков» [Левит 1927: 20]. На этом основании он даже сделал заявление, что никаких «наследственных болезней» быть не должно, и врачам не следует характеризовать болезни как наследственные, поскольку от их допущения веет фатализмом, а декларации о наличии наследственных болезней противоречат принципам профилактической медицины и обезоруживают врача. «От высказываний генетиков веет глубоким пессимизмом и немощью», — писал он [Там же: 31]. Левит был зачислен ассистентом на кафедре госпитальной терапии (заведующим был выдающийся русский терапевт Д.Д. Плетнев). В эти годы (1922–1925) С.Г. состоял в числе членов руководства МГУ.

Будучи человеком исключительно мощного темперамента и отличавшийся огромной трудоспособностью, Левит успевал и учиться, и вести общественную работу, и много читать, и работать в лаборатории. На созданной в МГУ Четвериковым специализации по генетике (после его ареста ею стал руководить Серебровский) Левит прошёл под руководством Серебровского практикум по этому предмету. Сам Серебровский публично выступал в это время с декларациями о правоте марксистской идеологии, утверждал, что генетика и марксизм не противоречат несколько друг другу. В журнале «Под знаменем марксизма» он заявил в 1926 году, что генетика «будучи совершенно объективной точной наукой» правильно трактует проблемы медицины [Серебровский 1926, Т. 3: 113]. Вернувшись на следующий год из Берлина с 5-го Международного генетического конгресса, Серебровский опубликовал в «Правде» статью о важности представленного на конгрессе американцем Германом Мёллером доказательства возможности искусственного вызывания мутаций рентгеновскими лучами и заявил, что теперь марксисты не могут отрицать генетики, поскольку именно эта наука доказала возможность изменения наследственности факторами внешней среды [Серебровский 1927: 3].

Поскольку Левит в это время часто контактировал с Серебровским, последний, будучи прекрасным полемистом и пылким апологетом большевизма, сумел быстро склонить на свою

сторону другого большевика — Левита, и тот полностью излечился от своего ламаркистского «недуга». Больше никогда в жизни он не выражал склонностей к ламаркистским взглядам. Нарращивал он и свои медицинские знания, в частности, в 1929 г. опубликовал монографию «Геморрагические диатезы. Болезнь Верльгофа и сходные с ней патологические формы».

Серебровский убедил его перейти вместе с ним в Комакадемию, и до 1930 года Левит числился учёным секретарём Секции естественных и точных наук Комакадемии, одновременно работая заведующим кабинетом в зеленинском институте. Первые научные результаты кабинета были изложены в опубликованном в 1929 году томе трудов, выпущенных под редакцией Левита и Серебровского [Труды кабинета... 1929: 115]. В предисловии к сборнику Левит отметил важную роль новейших достижений в генетике (оценив особо работы американских учёных) и утверждал, что, изучая гены и происхождение патологических форм, советские учёные идут нога в ногу с мировой наукой [Левит 1929: 20–39].

В 1930 году кабинет был переименован в Отделение генетики, и в нем серьезное внимание было обращено на изучение наследственных характеристик близнецов [Левит 1930: 273–287]. Зеленин в том году попал в немилость властей, и Левита назначили директором всего института¹³. Заняв кресло руководителя учреждения, он сфокусировал исследовательскую программу института полностью на проблемах генетики и исследовании наследственных болезней человека [Канаев 1973: 155–158].

Но в судьбу института вмешались личные пристрастия Сталина. Как уже упоминалось выше¹⁴, Левит вместе с Дебориным, Стэном, Каревым, Гессеном, Аголом и другими «диалектиками» подписал письмо с протестом против обвинений, прозвучавших из уст Ярославского, заявившего, что диалектики отклонились от сталинской линии. «Письмо десяти» было опубликовано в журнале *«Под знаменем марксизма»* в мае 1930 года, и тут же начались нападки на всех поставивших подписи под письмом. Размах нападков указывал на то, что Сталин лично дирижирует разворачивающейся кампанией против тех, кто не согласился признать его лидером философии в СССР. Стэн и Карев уже были обвинены, но и все другие подписавшие письмо в поддержку Деборина, не были забыты. Левит, кроме того, допустил ещё одну ошибку, когда подверг сомнению верность слов Сталина, произнесённых на конференции марксистов-аграрников в декабре 1929 года, что теория отстаёт от успехов и запросов практики.

Левит вместе с Аголом считали, что было бы благоразумно ретироваться с глаз долой, воспользовавшись приглашением американского Рокфеллеровского фонда, который брался оплатить их годичное пребывание в США для ознакомления с новыми методами исследований. Они надеялись, что за год шум уляжется и об их «грехах» позабудут. В декабре 1930 года вместе с М.С. Навашиным Агол и Левит выехали в США.

Для стажировки они направились в лабораторию Германа Джозефа Мёллера (1890–1967). Мёллер родился в Нью-Йорке в бедной семье (остался без отца в возрасте 9 лет). Он хорошо учился в средней школе, и, благодаря блестяще сданным в школе выпускным экзаменам, получил в 1907 году стипендию для первого года учёбы в Колумбийском университете в Нью-Йорке. В 1909 году он впервые в этом университете организовал студенческий клуб для обсуждения насущных биологических проблем. В нем участвовали его школьный товарищ Эдгар Алтенбург и двое студентов курсом младше Бриджес и Стёртевант, которые позже составили (вместе с Мёллером) костяк лаборатории, организованной Томасом Хантом Морганом — будущим создателем хромосомной теории наследственности, награжденным в 1933 году Нобелевской премией.

¹³ Академик АМН СССР В.Ф. Зеленин был арестован в 1953 году по «Делу врачей» и амнистирован после смерти Сталина.

¹⁴ См. главы 4 и 6 книги В.Н. Сойфера «Сталин и мошенники в науке». — М.: Добросвет, КДУ, 2012.

В лаборатории Моргана Мёллер выполнил несколько первоклассных исследований: изучил обмен хромосом участками (кроссинговер), предложил методы слежения за так называемыми маркерными генами, а в 1916 году обосновал «теорию сбалансированных леталей». В 1915 году Морган, Стёртевант, Бриджес и Мёллер опубликовали книгу «Механизм менделевской наследственности» («The Mechanism of Mendelian Heredity»), которую Курт Штерн назвал «фундаментальным учебником новой генетики», а Конрад Уоддингтон посчитал равной по своему значению работам Галилея или Ньютона. С 1918 года Мёллер начал вести самостоятельные исследования, посвящая основное время обдумыванию возможностей искусственного вызывания мутаций генов внешними факторами (сначала повышенной температурой, а затем, вместе с Алтенбургом — облучениями). В 1918, 1920, 1921 и 1926 годах он опубликовал результаты тончайших по замыслу и весьма демонстративных исследований, указывавших на роль точечных мутаций в эволюции и первые данные об индукции мутаций рентгеновскими лучами. Его доклад о последней работе на 5-м генетическом конгрессе в Берлине в 1927 году (за три года до приезда Левита и Агола в США) стал событием, и в 1946 году ему присудили за эту работу Нобелевскую премию.

В 1920 году он организовал свою лабораторию в Остине, в штате Техас, которой руководил более 10 лет. В 1921 году на конференции в Колд Спринг Харборской лаборатории (вблизи от Нью-Йорка, во главе её был тогда убеждённый евгеник Ч. Дэвенпорт) он познакомился с Н.И. Вавиловым, который пригласил его приехать в СССР. В августе 1922 года Мёллер посетил СССР с кратким визитом, побывал в Кольцовском институте¹⁵, 19 августа 1922 года побывал на летней биостанции Кольцовского института, где передал С.С. Четверикову небольшой набор мутантов дрозофилы, с которой работали в лаборатории Моргана. Четвериков организовал спецкурс для студентов-биологов в МГУ, в ходе которого использовал эти линии для обучения студентов и аспирантов хромосомной генетике (по-видимому, впервые в Европе). В первой половине 1930 года Мёллер, регулярно наезжавший в лабораторию своего учителя Томаса Моргана в Калифорнийском технологическом институте, провёл немало дней в беседах с другим известным советским генетиком, Антоном Романовичем Жебраком, который в течение двух лет (с 1930 по 1932 годы) работал в лабораториях Моргана и Данна в США. Жебрак сохранял всю жизнь уважительное отношение к Мёллеру как специалисту и вспоминал:

«В дни приезда Г. Меллера... в лабораторию Моргана я становился его ассистентом... и очень внимательно наблюдал за его виртуозной работой, пытаясь подражать ему. Меня поражала его большая работоспособность, собранность и умение дорожить временем. Он безошибочно оценивал по тем или иным признакам большое количество гибридных комбинаций, легко ориентировался в колоссальном экспериментальном материале» [Жебрак 2004: 79–88].

В СССР с начала 1920-х годов было хорошо известно, что Мёллер разделяет коммунистические взгляды. Поэтому, когда Жебрак — многолетний член партии большевиков, спокойный и уравновешенный человек, убеждённый и глубоко знающий марксистскую теорию учёный, стал беседовать с Мёллером в Пасадине, гость из СССР оказал на американского учёного огромное влияние, усилив его прокоммунистические настроения. Приезд почти на 13 месяцев двух других убеждённых большевиков — Левита и Агола — в его собственную лабораторию в Остине позволил завершить трансформацию пылкого американского учёного

¹⁵ В самом начале 1920-х годов Кольцов настоятельно рекомендовал своим ученикам заняться изучением возможности искусственного вызывания мутаций рентгеновскими лучами (об этом в 1956 и последующих годах мне рассказывал неоднократно В.В. Сахаров, вспоминая как его учитель Кольцов убеждал своих питомцев заняться такими экспериментами).

в активного приверженца коммунистических, даже более того — большевистских — взглядов.

Приехавший с Левитом к Мёллеру Израиль Иосифович Агол (1891–1937) вступил в большевистскую партию в октябре 1917 года, с 1921 года работал в редакции газет «Правда» и «Труд», одновременно обучаясь на медицинском факультете Московского университета, который он закончил в 1923 году. Короткое время он работал психиатром, а в 1924 году поступил на философский факультет ИКП, а потом при патронаже Серебровского перешёл на факультет естественных наук. По окончании ИКП стал работать в лаборатории Б.М. Заводовского в Свердловском университете, в 1927 г. издал книгу «Диалектический метод и эволюционная теория». Затем перешёл в лабораторию Серебровского в Комакадемии, где вместе с другими молодыми сотрудниками исследовал сложную структуру гена. В 1929 году он опубликовал первую в мире работу по изучению трёхмерного строения гена, и в том же году его назначили директором Биологического института им. К.А. Тимирязева Комакадемии, он был включён в состав редакционного совета журнала «*Естествознание и марксизм*» (1929–1930). После возвращения из США он сохранял позиции активного члена научного сообщества. В 1932 году Агол начал работать на Украине на ответственной должности во Всеукраинской ассоциации марксистско-ленинских научно-исследовательских институтов, затем в 1934 году был избран академиком Всеукраинской академии наук (ВУАН), в мае-октябре того года исполнял обязанности Непременного секретаря ВУАН, в 1934–1937 годах заведовал лабораторией генетики Института зоологии и биологии ВУАН. С начала 1937 года его одновременно назначили руководителем управления науки Наркомата образования СССР.

Левиту по возвращении из США от Мёллера пришлось вначале несколько труднее. В его отсутствие директором Медико-биологического института был назначен Борис Борисович Коган, который постарался свернуть в институте все генетические исследования и переориентировать сотрудников на чисто медицинские работы. Левиту пришлось около полугода провести во 2-м Московском мединституте, где он исполнял обязанности заведующего кафедрой патофизиологии. Но, пользуясь своими прежними связями в ЦК партии (где кандидатом в члены Политбюро ЦК был с 1929 по 1932 год Карл Янович Бауман, человек с высшим образованием и широким диапазоном взглядов, не раз показывавший, что готов поддерживать исследования генетиков), Левиту удалось в начале 1932 года добиться возвращения на должность директора института. Он продолжал тесное сотрудничество с Кольцовым и Серебровским, а последний, хотя в свое время (в 1930 г.) и признал ошибку в призывах широко применять искусственное осеменение у человека [Серебровский 1930а, Вып. II: 447–448], продолжал надеяться применить принципы медицинской генетики в широких масштабах.

Взяв бразды правления в институте, Левит с огромной энергией стал восстанавливать медико-генетическое направление, уделил большое внимание привлечению к работе института врачей из разных клиник Москвы. Той же осенью в институте были созданы новые отделы цитологии, внутренней секреции, неврологии, рентгенологии, антропометрии и психологии [Левит 1934, Т. 3: 284]. К концу 1933 года Левит восстановил в институте те отделы, которые существовали при В.Ф. Зеленине (клинический, физиологический, биохимический, патофизиологический, эндокринологический), лаборатории генетики, внутренних болезней, группы биометрии, стоматологии, конституции тела, радиологии, физиотерапии и другие. Левит стал редактором «*Медико-биологического журнала*».

Исследовательская программа института в 1933 году была разветвлённой и многообразной. Прежде всего нужно упомянуть об анализе близнецов. Интерес к сравнению наследственных различий у близнецов уже был проявлен в мире. Именно на модели близнецов различного возраста, особенно членов пар, живших разобщенно, можно было пытаться понять роль наследуемых характеристик и признаков и оценить роль среды обитания на них. Однако

нигде в мире эту работу не проводили столь систематично и многопланово. В 1933 году в институте изучали медицинские и биологические характеристики почти 600 пар одно- и двух-йцевых близнецов, на следующий год их число достигло 800 пар [Левит 1936: 3], к весне 1937 года сотрудники исследовали уже более 1700 пар — такую цифру назвали в мае 1937 года на слушаниях по проверке деятельности института¹⁶. Это была самая крупная по размеру исследовательская программа близнецов в мире, которых обследовали врачи всевозможных специальностей. Больным детям-близнецам оказывали необходимую медицинскую помощь, и при институте был создан специальный детский садик. В знаменитую Московскую консерваторию по инициативе Левита приняли 5 пар близнецов, и развитие их музыкальных талантов исследовали врачи и педагоги-музыканты¹⁷. К 1933 году эта работа позволила получить уникальные данные о наследуемых и средовых влияниях на умственное развитие, физиологию и патологию признаков в детстве и в зрелом возрасте [Труды Медико-генетического института... 1936]. Математики Николай С. Четвериков и Михаил В. Игнатъев в содружестве с врачом Соломоном Н. Ардашниковым развили методы количественных исследований и применили математическую статистику к анализу близнецов. Этот подход был особо важен для понимания и интерпретации тех случаев, когда размах колебаний измерений был особенно велик, а также для случаев, когда надо было вычленивать из полученных данных влияние среды и значение генетической компоненты (Н.С. Четвериков и М.В. Игнатъев были во второй половине 1930-х годов арестованы по сфабрикованному чекистами обвинению во вредительстве; только спустя четверть века Н.С. Четвериков смог выйти на свободу и опубликовал книгу, суммирующую полученные тогда в ИМГ результаты [Четвериков 1963: 211–230].

О том, как мощно развивались исследования в институте, можно судить на примере ещё одного яркого сотрудника Левита. Молодой выпускник МГУ Владимир П. Эфроимсон получил уникальные данные о темпе мутационного процесса у человека¹⁸. Эту работу высоко оценил Герман Мёллер, когда в 1934–1937 годах он работал в Москве в Институте генетики АН СССР. Но на Эфроимсона поступил донос, он был арестован и обвинён по статье 57-1 в антисоветских разговорах. Сразу после ареста Мёллер направил в судебные органы отзыв о важном значении для науки работы Эфроимсона, но к его словам никто не собирался прислушиваться: учёного осудили, отправили в сталинские лагеря на каторжные работы, а тремя годами позже английский генетик Холдейн, который не мог знать результаты и выводы Эфроимсона, которые так и остались неопубликованными, обнародовал свои результаты [Haldane 1935, V. 31: 317–326].

Приведенные примеры представляют лишь малую часть того, что делалось в этом уникальном научном учреждении, подобном которому в мире не было ещё несколько десятилетий. То, что Левит (по сути молодой исследователь) сумел развить невероятно разветвлённую и целенаправленную программу большого научного коллектива, программу, открывавшую совершенно новую область в мировой науке — изучение наследственности человека и связи наследственности с болезнями человеческих организмов — до сих пор представляется как-то чудом. Ведь те научные задачи, над которыми начали всерьёз работать в советской России, даже не были поставлены в мире, а коллектив Левита уже глубоко продвинулся вперёд в их решении. Левит шёл на полвека впереди мировой науки, и в этих словах нет и капли преувеличения.

¹⁶ Стенограмма № 4 заседания Комиссии Наркомздрава по обследованию Медико-Генетического Института от 25 мая 1937 года на 28 страницах, см. стр. 5 (хранится в моем личном архиве).

¹⁷ Там же: 6–9.

¹⁸ В.П. Эфроимсон. О скорости мутационного процесса у человека, 1932. Неопубликованная рукопись (сообщение о названии получено от В.П. Эфроимсона в 1984 г.).

Обсуждая будущие клинико-генетические направления исследований института Левит указывал на то что:

«(1) ...исследования делаются ...специалистами-клиницистами, которые работают в тесном контакте с теоретиками-генетиками; (2) эти исследования систематичны, что выражается, во-первых, в том, что болезнь за болезнью подвергается... детальному исследованию, и, во-вторых, в отказе от подбора казуистического („интересного“) материала, составляющего львиную долю антропогенетических исследований и приводящего сплошь и рядом к неправильным выводам; (3) в каждом отдельном случае изучают не только ярко выраженные формы болезни, но и начальные, зачаточные её формы, что способствует разработке проблем патогенеза, профилактики и терапии; (4) [*проводят*] систематическое обследование родственников пробандов, что подымает всё подобное исследование на значительно большую высоту; (5) в эти исследования вовлечён большой, иногда максимально доступный (в Москве) клинический материал» [Левит 1936: 5–6].

В 1934 году Кольцов, Левит и другие учёные провели в Киеве Всесоюзную конференцию по медицинской генетике, на которой были доложены основные научные результаты, полученные сотрудниками института. По завершении конференции было заявлено:

«...медицинская генетика имеет крупное значение для целого ряда как теоретических, так и практических медицинских проблем. Вопросы этиологии болезней, их патогенеза, вопросы биологии и патологии пола, конституции человека и др. невозможно ставить и решать на современном уровне науки без применения данных генетики и цитологии. Медицинская генетика приобретает всё большее значение в вопросах профилактики и терапии.

В то время, как буржуазия, и в особенности её фашистское крыло, использует антропогенетику для обоснования «расовых теорий» и, извращая её, делает её острым орудием наступления на пролетариат и колониальные народы, медицинская генетика в СССР включается в общий фронт развёрнутого социалистического наступления и становится одним из средств оздоровления трудящихся» [Резолюция конференции... 1934: 69].

Эта резолюция была подписана многими ведущими специалистами страны и в их числе Н.К. Кольцовым, М.Л. Левиным, С.Г. Левитом, Г. Мёллером (США), Т.И. Юдиным, С.Н. Давиденковым и др.

Казалось бы, входя в новые никем неизведанные области науки, учёные института должны были всё свое время отдавать только экспериментам, обсуждению результатов внутри коллектива, подготовке статей с описанием полученных данных и ничему больше. Но Левит был настоящим патриотом своей страны. Ему хотелось поднять уровень науки в целом в СССР, заинтересовать новыми отраслями знаний максимально большое число молодых пытливых умов. Поэтому он открыл двери института для стажировки огромного числа студентов со всей страны. Содержание программ этих курсов близко напоминает таковое для курсов, существующих в наши дни на медицинских факультетах американских университетов¹⁹. Многие слушатели курсов оставили краткие отзывы о том, как их обучали в Институте, и благодаря этим отзывам можно судить, как много талантливой молодёжи побывало в институте, как широка была география охвата студенческой массы со всей страны. Я смог ознакомиться с этими записями благодаря тому, что дочь С.Г. Левита — Тиля Соломоновна Левит передала мне в Москве перед своей эмиграцией из СССР в 1986 году бумаги, оставшиеся от её отца, в которых в числе других были и эти отзывы. Я приведу лишь два из них:

¹⁹ Личное сообщение профессора А.М. Хилькина (США).

«Мы, студенты Горьковского университета — Дикман Р.С., Рощина Е.К., Гагарина В.Л. и Ершов П.А., уезжая после полуторамесячной производственной практики в Вашем институте, желаем выразить Вам и всем вашим сотрудникам искреннюю благодарность... Вы лично и Ваши помощники, которым Вы вверили нас (А.Г. Андрес, В.В. Жив, С.Н. Ардашников, Г.В. Соболева), проявили самое заботливое отношение к нам... Мы за время учёбы в Университете проходим четвертую по счёту практику и нигде... не получили столько знаний, сколько здесь»;

«За время своего пребывания в Институте я получила массу ценнейших знаний... Каждый, побывавший в этом коллективе, получает не только знания, но и сам вырастает в смысле более высокого представления о своих обязанностях... невольно берёшь [*на себя*] обязательство равняться на этот работающий с любовью, широким диапазоном коллектив. М.М. Думер — аспирант Укр. Института эксперим. медицины»²⁰.

В институт приезжали также научные сотрудники, и снова не может не поражать то, из скольких различных уголков страны они ехали²¹.

Показательными были высказывания западных учёных, посетивших институт. Адольф Мейер — профессор университета Джонса Хопкинса (город Балтимор, столица штата Мэриленд, США) отметил, что в институте осуществляется «чрезвычайно важная работа, превосходно спланированная и организованная», по мнению Перла Мошинского из отдела социальной биологии Лондонского университета «Институт производит очень большое впечатление. Его существование возможно только в Советской стране». Р.А. Горер из Института Лестера, Лондон и отделения генетики животных Лондонского университета написал: «Я считаю, что работа этого института представляет первостепенную важность для медицины и биологии человека вообще», Харпер из Колумбийского университета, Нью-Йорк, отметил, что ИМГ — это «наиболее интересный институт из виденных мною до сих пор». Дубнов и Дубнова из Калифорнийского университета оставили такое заключение: «Коллективная разработка Вами жизненно важных фундаментальных проблем и интересные и революционные результаты, полученные Вами, производят глубокое впечатление», Р.А. МакФэрлэнд из Колумбийского университета, Нью-Йорк отметил кратко: «Прекрасная работа», Р.П. Уэллс из Отделения зоологии Университетского колледжа, Лондон написал:

«На меня произвели большое впечатление работы этого института в смысле оригинальности проблематики и единой точки зрения в проведении исследований. Я убеждён, что этим способом окажется возможным пролить новый свет на многие проблемы медицины и психологии, являющиеся тёмными в настоящее время»²².

²⁰ В личном архиве С.Г. Левита, хранящемся в моем архиве, имеются отрывки из писем студентов Горьковского Государственного университета Р.С. Дикман, Е.К. Рощиной, В.Л. Гараниной и П.А. Ершова, аспиранта Украинского института экспериментальной медицины М.М. Драмер, аспирантки Белорусского медицинского института С.О. Драбкиной, Н.С. Давиденкова — студента Ленинградского госуниверситета имени Бубнова, Е.С. Пресс из Воронежского государственного университета и др., стр. 95–98.

²¹ В бумагах Соломона Григорьевича Левита сохранились отзывы Н.А. Крышовой — старшей научной сотрудницы Всесоюзного института экспериментальной медицины, Ленинград, Н.Н. Николаева из Саратова, М.Г. Мардерштейн и Е.А. Нильсен из Ташкента, Тарбеевой и Юрьевой из Архангельска, Солнцева — доцента Киевского мединститута, Н.Л. Россиянского — профессора дермато-венерологического института НКЗ, К.Р. Мирам — профессора кафедры патологической физиологии Ростовского мединститута, И.П. Нешадименко — профессора патофизиологии Смоленского мединститута, С.О. Лозинского — заведующего отделением практической психологии Одесского НИ психо-неврологического ин-та, В.В. Хвостовой — ассистента кафедры биологии Московского Пединститута им. Бубнова и других (стр. 98–101).

²² Там же: 101–102.

Весной 1935 года институту присвоили имя Максима Горького (он стал называться «Научно-исследовательский медико-генетический институт им. Максима Горького»). Это рассматривалось как некая награда, так как писатель в это время часто встречался со Сталиным и обсуждал с ним создание мощного медицинского центра — Института экспериментальной медицины.

Глава 16. Сталинский приказ о запрещении медицинской генетики в СССР

*«Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами чёрных марушь»
Анна Ахматова. Реквием²³*

Казалось бы, интенсивная и в высшей степени продуктивная работа Медико-генетического института, не имевшая равных в мире и фактически заложившая основы новой научной дисциплины — медицинской генетики — должна была высоко цениться властями. Ведь Левиту и его сотрудникам удалось обойти мировую науку более чем на полвека, мощно повышая в мире репутацию Советского Союза. Но Сталину собственные пристрастия и антипатии были превыше всего, и в истории с Институтом медицинской генетики это проявилось в полной мере.

Первым шагом стало запрещение (без всякого объяснения причин) намеченной Кольцовым, Левитом, Мёллером и другими конференции по медицинской генетике, которую они собирались провести летом 1936 года в Киеве. 27 мая 1936 года в Киеве арестовали Израиля И. Агола, ставшего одним из руководителей науки в Украинской Академии наук. Он был далеко не рядовым научным сотрудником, опубликовал много работ²⁴, и только что был назначен руководителем Управления науки в Министерстве просвещения СССР. Но раньше он провинился тем, что подписал письмо в защиту Деборина с остальными девятью учёными, кого Сталин изничтожал одного за другим. Агола арестовали через три недели после получения Сталиным письма Мёллера. В первом сообщении об аресте было сказано, что его задержали якобы на основании жалобы секретарши Агола, заявившей, что начальник сексуально домогался её²⁵. Затем это обвинение тихо исчезло и никогда больше не упоминалось. 27 февраля 1937 года Сталин лично подписал смертный приговор Аголу и 10 апреля 1937 года его расстреляли. Он был полностью реабилитирован «за отсутствием состава обвинения» 25 мая 1957 года.

Летом 1936 года начались первые неприятности у Левита [Левит 1932: 107–125]. Он тогда публично высказался в институте, что готов направить в партийные органы и в НКВД письма в защиту своего друга Н.А. Карева, как он считал несправедливо арестованного и оклеветанного недругами. Мы уже знаем, что главным недругом Карева был сам Сталин, и демарш Левита мог быть рассматриваем Сталиным как личный против него выпад. Отнюдь не случайно заведующий отделом науки Московского городского комитета ВКП(б) Эрнст Кольман объявил о проведении 13 ноября 1936 года в Доме Ученых общемосковского собрания научных сотрудников для разоблачения, как было сказано, «жюльничества фашистских и фашиствующих учёных» и «расистских фальсификаций в биологии». Кольман обвинил в

²³ См.: Ахматова 1963.

²⁴ Личное сообщение сотрудницы Института медицинской генетики, члена большевистской партии Раисы Павловны Мартыновой (1905–1998), сделанное автору в 1960-х годах.

²⁵ Личное сообщение дочери С.Г. Левита — Тили Соломоновны Левит в Москве в 1986 году.

этих грехах В.Г. Штефко (зав. отделом Центрального института туберкулеза), но главным объектом критики был избран Соломон Г. Левит и руководимый им институт. Кольман назвал Левита агентом нацистской доктрины. Сделать такой выпад по своему желанию он не мог, как никто уже в стране не мог по собственному разумению начинать широкомасштабные политические акции.

После Кольмана к трибуне вышел не имевший никакого отношения ни к евгенике, ни к генетике Трофим Лысенко, приглашённый кем-то (Сталиным? Кольманом?) на собрание московских учёных (напомню, Лысенко ещё оставался директором Одесского института). В унисон с заведующим отделом науки Московского Горкома партии он патетически провозгласил правоту ламаркизма, назвал работы медико-генетического института фашистскими и высказался против генетики.

Принятой в то время в стране нормой поведения было смиренно соглашаться с критикой, исходящей от партийных руководителей, а Кольман был в Москве именно таким руководителем высшего звена. Однако Левит не ступешался и нашёл силы выступить и опровергнуть обвинения. Более того он пошёл в наступление и аргументировано показал некомпетентность заведующего отделом науки в разбираемых вопросах и необоснованность его критических выпадов.

Веские возражения Левита, казалось бы, нечем было парировать, но известная в Москве деятельница ВАРНИТСО Д.З. Комиссарук, внедрённая сверху в Институт экспериментальной биологии Кольцова, активно мутившая воду в стенах кольцовского института, «указала, что Левит по своим взглядам меньшевистствующий идеалист и фактически не разоружился».

Заявления, что Левит сторонник фашизма, были абсолютно беспочвенными и, более того, советские учёные отлично помнили, что Левит ещё в 1932 году подверг критике нацистскую биологию в известном сборнике, выпущенном в Москве большим тиражом [Левит 1932: 107–125]. Его статью широко цитировали в советской прессе, рассматривая как одну из важных в борьбе против нацистских извращений в евгенике. Поэтому обвинения Левита в смыкании с нацистами выглядели несправедливо и даже дико.

А далее события стали идти по нарастающей, ясно показывая, что приказ расправиться с медицинской генетикой пришёл из Кремля. Об этом свидетельствовала хорошо отрежиссированная кампания с осуждением медико-генетического института. Кольман, делая вид, что не слышал возражений Левита, опубликовал свое выступление в идеологическом журнале ЦК ВКП(б) «Под знаменем марксизма», редактируемом теперь Митиным [Кольман 1936: 64–72]. Он обозвал генетиков самыми зловещими прозвищами. Одно название статьи «Черносотенный бред фашизма и наша медико-биологическая наука» ясно говорило за себя. В этом же номере журнала была напечатана критическая рецензия на III и IV тома «Трудов МГИ» [Карлик 1936: 178–186]. Автор статьи создавал у читателей впечатление, что дела в медицинской генетике схожи с тем, что «вытворяли» враги социализма — педологи²⁶. Поскольку педологию поддерживал злейший недруг Сталина Троцкий, её запретили летом 1936 года. Разгром этой науки в СССР был предписан постановлением ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе Наркомпросов». В постановлении безосновательно утверждалось, что «теория и практика так называемой педологии базируется на ложнонаучных, антимарксистских положениях». К извращениям был отнесён, как писала «Правда», «главный «закон» современной педологии — «закон» фаталистической обусловленности судьбы детей биологическими и социальными факторами, влиянием наследственности и какой-то

²⁶ Педология — отрасль психологии, занимающаяся изучением поведения и развития детей, возникла в конце XVIII века и рассматривалась как основа педагогики (искусства обучения) и иногда определялась как педагогическая психология или экспериментальная психология обучения. Термин предложил в 1893 году американский исследователь Оскар Крисмэн.

неизменной среды». Никакого фатализма в утверждениях педологов никогда не существовало, а то, что сталинисты объявляли «фаталистичностью», содержало правильные представления о роли наследственности и среды в воспитании. Тем не менее многих видных педологов сразу заключили под стражу.

На самом деле Труды Медико-Биологического института (том III) и Медико-Генетического института (том IV) были научными изданиями высшего уровня. Статьи 3-го тома не потеряли актуальности и сегодня, спустя более трех четвертей века. Стоит просто перечислить болезни, в возникновении которых была доказана роль генетических дефектов: лейкемия, сердечные заболевания, диабет, язвенная болезнь желудка и 12-перстной кишки, гипертония и пароксизмальная тахикардия; были разработаны цитологические методы исследования хромосом при использовании культур клеток крови (эти методы стали впервые распространяться достаточно широко только в конце 1950-х годов)²⁷.

Не менее впечатляет четвёртый том. Была напечатана серия статей о клинико-генетическом изучении бронхиальной астмы и других аллергических болезней, злокачественного малокровия, пароксизмальной тахикардии, генетической дифференциации язвенных болезней и секреторных функций желудка, генетики рака груди, диабета, исследовании роли наследственности и среды в изменчивости размеров сердца, кожных капилляров, роста и веса тела. Обобщались результаты изучения роли генов в определении папиллярных узоров пальцев и в определении характера кардиограмм. Как уже было упомянуто, Г. Мёллер представил статью «Об изменчивости в популяциях расовых гибридов». Кроме того в сборнике было помещено пять статей о математических и статистических методах исследования генетики человека (как уже было сказано, двух главных авторов — Н.С. Четверикова и М.В. Игнатъева вскоре арестовали и поместили в сталинские лагеря, Четверикова почти на 20 лет).

Даже неспециалистам ясно, как высоки были результаты, полученные сотрудниками института, а известный биолог И.И. Канаев дал высокую оценку научной ценности третьего тома в журнале «Природа» и в трудах всесоюзных конференций, проходивших в Ленинграде [Канаев 1936; 1971: 169–172; 1973: 155–158].

Анализируя сегодня размах и глубину исследований сотрудников Медико-генетического института, держа в руках толстенные сборники опубликованных ими работ, невозможно избавиться от горького чувства обиды за то, что это первоклассное учреждение было разгромлено. Восторженные обзоры работ обоих сборников были написаны российскими и иностранными экспертами в области генетики [Андреев 1935, Т. 31: 670–671; Рапопорт 1935; Поляков, Дубовский 1935; Muller 1935, V. 26: 193–196; Рохлина 1935; Островский 1936]. Среди бумаг С.Г. Левита, переданных мне его дочерью в 1986 году, я нашёл отрывки из некоторых из этих публикаций (проф. Мёллера, 1934, проф. Дуггэна и проф. Росса МакФэрлэнда из США, 1935).

Невозможно поверить, что разворачивавшаяся газетная дискредитация Левита и его института могла быть организована без указки сверху, то есть от Сталина. Тенденциозная за-

²⁷ В 3-ем и 4-м томах трудов ИМГ были обобщены данные исследований, проведённых в 1934–1936 годах (третий том вышел под редакцией Левита, четвёртый — под редакцией Левита и Ардашниковой). В третьем томе были представлены итоговые результаты исследования наследственных признаков у близнецов (статьи Левита, Игнатъева, Л.Я. Боссика, Н.Н. Малковой, Я.Г. Диллона и И.Б. Гуревича, И.Б. Кабакова и И.А. Рывкина, А.Н. Миреновой и В.Н. Колбановского, и Е.И. Пасынкова). Первые результаты пионерской находки наследственной компоненты в развитии лейкемии были представлены С.Н. Ардашниковым. Роль генетических факторов и среды в формировании особенностей электрокардиограмм были проанализированы в работе И.Б. Кабакова и И.А. Рывкина. Левит и Л.Н. Песикова изучили те же проблемы (генетика и среда) в приложении к развитию диабета, а А.Е. Левин и Б.А. Кучур в отношении язвенной болезни желудка и 12-перстной кишки. Затем шли статьи о роли генетической компоненты в возникновении гипертонии и пароксизмальной тахикардии, Г.К. Хрущов описал цитологические методы исследования хромосом при использовании культур клеток крови.

метка с политическим подтекстом, повторившая нападки Кольмана на медицинскую генетику на собрании в Доме Учёных, появилась в «Комсомольской правде» 15 ноября 1936 г. [М.Ц.... 1936: 2]. На следующий день о врагах из этого института сообщили «Известия». В этой газете некие Братья Тур (Леонид Тубельский и Петр Рыжей) вспомнили пустяковую историю, произошедшую более года назад и поданную ими сейчас как неприкрытую политическую провокацию [Братья Тур 1936b]. Речь шла о праздновании в марте 1935 года пятилетнего юбилея этого института и выпущенной по такому случаю праздничной стенгазете. Братья Тур сетовали, что в ней не нашлось места для политического осуждения враждебной для страны деятельности С.Г. Левита. Стиль «фельетонистов ОГПУ» (как братьев Тур назвал академик Д.С. Лихачев, утверждавший, что они «пересыпали фельетоны ложью» [Лихачев 1995: 141] виден из такого фрагмента их доноса: «...Куца „соломонова“ мудрость профессора Левита и возглавляемого им Медико-генетического института сводилась к таким откровениям, как признание абсолютного значения наследственности в происхождении почти всех болезней, фатальной биологической предопределённости характера ребёнка, и тому подобной ерунде...» [Братья Тур 1936b].

Сотрудники института решили противостоять клеветникам и провели общее собрание коллектива, на котором была принята резолюция, отвергающая грубый и бесосновательный выпад в газете «Известия». Текст резолюции был направлен в редакцию газеты, но приказ сверху о большевистской машине репрессий, запущенной Сталиным, остановить уже никто не мог. Через две недели, 4 декабря 1936 года, Фрунзенский райком ВКП(б) исключил старого коммуниста Соломона Г. Левита из партии «за связь с врагом народа [имелся в виду арестованный философ Н.А. Карев — В.С.], за протаскивание враждебных теорий в трудах института и за меньшевистствующий идеализм».

О том, как накапливалось у Сталина раздражение в отношении медицинской генетики говорит такой факт. В середине декабря 1936 года партийные власти разрешили провести в Академии сельхознаук (ВАСХНИЛ) обсуждение проблем роли генетики и «мичуринского учения» в развитии наук, связанных с сельским хозяйством. На этом совещании выступил Герман Мёллер, который полугодом ранее отправил Сталину длинное письмо на 17 страницах и свою книгу о евгенике и медицинской генетике, только что вышедшую в Нью-Йорке. Мёллер призывал Сталина поддержать эти направления в науке, но на письмо Сталин не ответил.

Перед началом дискуссии в ВАСХНИЛ Сталин приказал Бауману (официально его должность именовалась заведующий отделом науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК партии), чтобы тот предупредил Мёллера, что ему запрещено говорить на публике о генетике человека в тех выражениях, которые содержались в мёллеровском письме Сталину. Вождь также потребовал, чтобы Мёллер не касался темы неверности ламаркизма или лысенковщины.

Бауман передал сталинское требование Мёллеру. Об этом предупреждении Мёллер рассказал тридцатью годами позже американскому историку генетики Дэвиду Жоравскому, который писал: «Герман Мёллер вспоминал инструкцию, которую он [Бауман] передал ему с глазу на глаз. С нескрываемым удовольствием Мёллер рассказал мне, как он вызывающе игнорировал запрет Баумана об упоминании генетики человека в своей речи» [Jogavsky 1986: 386]. Не касаться генетики человека просил Мёллера и Вавилов, с которым как с директором института, где работал Мёллер, Бауман видимо переговорил перед началом сессии. Вавилов относился серьёзно к таким вопросам и считал, что не надо идти против воли Сталина.

Однако Мёллер, будучи поддержанным Кольцовым, Серебровским и Левитом, решил ослушаться и произнёс «запрещённый текст». Он сказал, что возможность быстрого изменения наследственности под влиянием внешней среды невозможна (подчеркнув, что такую воз-

возможность признают фашисты). Он совершенно ясно предупредил, что репутация СССР серьёзно пострадает на мировой арене, если власти поддержат взгляды, рассматриваемые во всем мире как типично фашистские. Видимо он ещё питал надежду, что, указав твердо на совпадение нацистских и лысенковских утверждений, он сумеет склонить Сталина к поддержке генетики. Он даже назвал по именам адвокатов ламаркистских взглядов в СССР — Лысенко и Презента, охарактеризовав их как носителей «явно абсурдных теорий и мнений», «не обладающих даже элементарными знаниями в генетике». Вот эта часть его выступления:

«Мы должны удвоить наше внимание, чтобы не только высоко держать знамя в больших теоретических разделах нашей области, но даже ещё выше в отношении той связи теории с практикой, какую мы покажем. Если, однако, наши выдающиеся практики будут высказываться в пользу теорий и мнений, явно абсурдных для каждого обладающего хотя бы элементарными знаниями в генетике, как положения, выдвинутые недавно Презентом, Лысенко и их единомышленниками, то учёные, являющиеся друзьями СССР, будут глубоко шокированы, ибо в данном случае стоящий перед нами выбор аналогичен выбору между знахарством и медициной, между астрологией и астрономией (*Аплодисменты*), между алхимией и химией.

Наконец, необходимо отметить, что если бы ламаркизм, идейная группа которого боролась здесь против генетики, получил здесь [*то есть в СССР*] широкое распространение, то этим была бы создана благодатная почва для сильной идеологической поддержки претензий фашистов, верящих в изменение зародышевой плазмы [*в этом месте советские стенографы сделали ошибку, записав слова Мёллера как «верящих в сохранение зародышевой плазмы — В.С.»*].

Должен казаться совершенно естественным вывод, что поскольку пролетарии всех стран и особенно колониальных в продолжение долгого времени были в условиях недоедания, болезней и при отсутствии возможностей для умственного труда и фактически были рабами, то они должны [*были*] стать за это время по своим наследственным задаткам биологически низшей группой по сравнению с привилегированными классами (*Аплодисменты*), как в отношении физических, так и умственных черт. Ведь согласно этой теории подобные фенотипические признаки должны были в некоторой степени отразиться и в половых клетках, развивающихся как часть соматических тканей.

То обстоятельство, что эта порочная и опасная доктрина была бы логическим следствием ложных ламаркистских предпосылок, которые в настоящее время выдвигаются противниками генетики, должно заставить взяться с особенной резкостью поддерживать перед всем миром критическую научную концепцию наследственности и изменчивости. Обострение борьбы с фашизмом, свидетелями которой мы в настоящее время являемся, делает это особенно настоятельным (*Продолжительные аплодисменты*)» [РГАЭ ф. 8390, оп.1, д.763, лл. 210–212].

Присутствовавшие в зале генетики и селекционеры с энтузиазмом встретили основные положения докладчика, тогда как лысенкоисты в прениях набросились на него с политиканскими обвинениями. Их не могло не обозлить то, что Мёллер вывел вопрос о наследовании благоприобретенных признаков из сферы науки в плоскость несравненно более важную для советских руководителей — политическую. Но он наверняка обращался не к людям, сидящим в зале, а через их голову, — непосредственно к Сталину. Он предупреждал его, что признание законов генетики и отказ от веры в быстрое изменение наследственности под влиянием среды не безобидный научный, а острый политический вопрос.

И эту важность отлично поняли как те, кто проводили дискуссию, так и те, кто надзирал за ней. Иначе нельзя объяснить тот факт, что из опубликованной стенограммы конференции этот раздел речи Мёллера был исключён и заменён одним абзацем, в котором смысл сказанного был до неузнаваемости искажён (Мёллер хранил эту часть своего выступления и показывал её Дэвиду Жоравскому, о чем тот написал в примечаниях к его книге, сохранился этот раздел и в советских архивах).

В дни подготовки к этой сессии ВАСХНИЛ в советской прессе продолжились нападки на Медико-генетический институт. Хотя Левит ещё оставался его директором, но, как сказала мне дочь Левита в 1987 году, за отцом было теперь установлено постоянное наблюдение, и шпики из НКВД неотступно сопровождали его. То, что коллектив института на общем собрании обсудил сложившуюся обстановку, вступился за своего директора и принял резолюцию с несогласием оценок, высказанных в газете «Известия» 16 ноября, обозлило тех, кто направлял кампанию против него. Снова пригодились «Братья Тур», которые 10 декабря в новом «фельетончике» в «Известиях» [Братья Тур 1936] выразили возмущение тем, что сотрудники института не приняли их предыдущий «фельетон» в качестве руководства к расправе с директором. Левиту поставили в вину уже не только письмо в защиту арестованного друга Н.А. Карева, но и попытку на собрании «скомпрометировать работу прекрасного советского ученого Лысенко», также как реплику «голоштаный марксист» в ответ на одно из политиканских выступлений Н.П. Дубинина. Фельетонистам было дано задание пойти ещё дальше и обвинить вместе с Левитом заведующего сектором научных институтов наркомата здравоохранения СССР Х.Г. Раковского и самого наркома Г.Н. Каминского. Оба последних были хорошо образованы — Григорий Наумович Каминский (Гофман) (1895–1938) закончил с Золотой медалью гимназию в Минске и два курса медицинского факультета Московского университета, а Христиан Георгиевич Раковский (1873–1941), по национальности болгарин, урождённый Кристо Станчев (литературный и партийный псевдоним Инсаров), гражданин Румынии, закончил Женевский университет в 1897 году, получив диплом врача. «Раковский владеет всеми балканскими языками и четырьмя европейскими, — писал Троцкий в «Моей жизни», изданной в Берлине в 1930 году, отмечая, что «личные черты Раковского — широкий интернациональный кругозор и глубокое благородство характера сделали его особенно ненавистным для Сталина, воплощающего прямо противоположные черты» [Кун 1991: 14]. При Ленине Раковский был членом Оргбюро ЦК РСДРП и РКП(б), в 1919–1923 председателем правительства Украины, с 1923 по 1927 послом в Англии и во Франции. С 1921 года он постоянно (и резко) оппонировал Сталину (за что не один раз его исключали из рядов партии, восстанавливали и исключали снова). Каминский, став наркомом здравоохранения, взял только что освобождённого из заключения давнишнего оппонента Сталина Раковского под свое начало и назначил начальником сектора науки в аппарате Наркомата. О наркOME Каминском Нобелевский лауреат И.П. Павлов, который очень скептически относился к большевистским начальникам, говорил, что он «умный большевик, с ним все охотно сотрудничают». Известно, что Павлов с Каминским дружили. Но «умный большевик» рассматривался Сталиным как неблагонадёжный.

Каминский на посту наркома постоянно поддерживал медико-генетический институт и считался его покровителем. У Сталина накапливалось раздражение по адресу наркома, и неудивительно, что в статью «Братьев Тур» от 10 декабря 1936 года с обвинениями Института в фашиствующих устремлениях, были внесены фамилии Каминского и Раковского. Через две недели строки о враждебной их работе появились уже в «Правде» в редакционной статье «По ложному пути» [Редакционная статья... 1936: 4] (редакционные статьи были текстами, исходящими непосредственно из аппарата ЦК партии). Теперь зловредного наркома Каминского (он ещё оставался наркомом) обвинили в том, что он пытался увести от врага Левита «справедливую критику». Оказывается, в эти дни проходил 2-й съезд невропатологов и психиатров, к открытию которого был отпечатан «Бюллетень», со статьёй М.Б. Кроля, и в ней Левит был снова обвинён в расизме и фашизме. Каминский приказал собрать тех делегатов съезда, которые были членами партии, и предложил им принять решение об изъятии и уничтожении тысячи экземпляров отпечатанного «Бюллетеня», поскольку он содержит откровенную клевету на Левита. Партгруппа съезда предложение наркома одобрила. Этот, казалось бы, локаль-

ный эпизод вызвал возмущение наверху. Эпизод был назван в редакционной статье «*Правды*» (то есть непосредственно от имени ЦК партии) позорным:

«Известно, что Левит и руководимый им институт в своих трудах протаскивают по существу фашистскую „научную“ концепцию: о биологической предопределённости рас, о всемогущей роли наследственности, о биологической обусловленности преступности и т. д. Известно, что за связь с контрреволюционными элементами С.Г. Левит исключён Фрунзенским райкомом ВКП(б) из партии. И все-таки тов. Каминский нашёл возможным предложить кандидатуру Левита в президиум съезда. Понимают ли товарищи, что история с первым номером „Бюллетеня“ отнюдь не способствует смелому развёртыванию самокритики и направляет работу съезда по ложному пути?» [Там же].

Эта статья вышла в последний день работы декабрьской сессии ВАСХНИЛ. Можно думать, что именно в ответ на выступление Мёллера на декабрьской сессии ВАСХНИЛ²⁸ главная газета коммунистов отвергла «всемогущую роль наследственности». Другое указание на то, что генетика человека приобрела лично для Сталина жгучую актуальность, появилось через три дня. «*Правда*» снова вернулась к Левиту и Каминскому и снова заклеила их [Закрытие съезда... 1936].

События ноября-декабря 1936 года отрезвили Мёллера и пригасили его пробольшевистские настроения. Он быстро осознал, к чему идёт дело в СССР. Исключение из партии Левита, арест Агола, предостережения Баумана, грязные нападки на генетику в «*Правде*» и в «*Известиях*» и многие другие события стали для него ясным сигналом, что если он останется в СССР, то и его жизнь окажется под ударом, и что надо уезжать, как можно скорее. Уже многие иностранцы, приехавшие раньше его или одновременно с ним строить социализм в СССР, оказались арестованными и попали в тюрьмы и лагеря. Но и выехать из СССР по собственному желанию было непросто. Железный занавес на деле уже захлопнулся. Поэтому надо отдать должное Мёллеру: он нашёл прекрасный предлог для освобождения из коммунистических тисков. Он связался с коммунарами в Испании, восставшими против диктатуры Франциско Франко, и получил приглашение присоединиться к ним. Более того, ему сообщили из Испании, что он уже приписан в канадской группе по переливанию крови. Мёллер извести об этом советские власти. Чтобы обезопасить его отъезд из СССР, по договорённости с ним в Москву прибыли представители Интербригад, и в сопровождении такого эскорта в апреле 1937 года он беспрепятственно покинул СССР. Помешать отъезду Сталин не мог: это грозило слишком большим международным скандалом.

На следующий день после его отъезда по личному распоряжению Сталина был расстрелян И.И. Агол. Та же судьба, как сообщили в 1998 году французские журналисты [Elements... 1998], постигла переводчика книги Мёллера для Сталина. Через несколько месяцев, Мёллер ненадолго вернулся в СССР, чтобы забрать оставшиеся в Москве материалы его научных работ. Уехал он уже навсегда. Советская страна потеряла учёного, честно и страстно любившего эту страну. СССР покинул человек, уже опубликовавший исследование, за которое вскоре ему присудят Нобелевскую премию. Можно себе представить, как велика была бы гордость советских руководителей, если бы присуждённая ему в 1946 году Нобелевская премия была бы вручена как советскому учёному. Это бы случилось при жизни Сталина, а ведь при нем ни один советский учёный не был удостоен этой премии. Останься Мёллер в советской России, пользуйся он благорасположением Сталина, как много такой учёный мог бы принести пользы стране.

²⁸ См. главу 15 книги В.Н. Сойфера «Сталин и мошенники в науке». — М.: Добросвет, КДУ, 2012.

Отъезд Мёллера, возможно, ускорил развязку с удушением Института медицинской генетики имени Горького. Через две недели после его отъезда Г.Н. Каминский (который с февраля 1934 года по 15 марта 1937 возглавлял Наркомат здравоохранения РСФСР, а с 20 июля 1936 по 25 июня 1937 Наркомат здравоохранения СССР) сформировал новую комиссию для проверки института. В моем распоряжении оказались стенограммы четырёх её заседаний на 134 страницах, переданные мне дочерью С.Г. Левита, и они позволяют убедиться воочию, как обстояло дело с нагнетанием страстей. Председателем комиссии был назначен однофамилец С.Г. Левита — профессор Владимир Семенович Левит (хирург, заведующий кафедрой госпитальной хирургии 2-го Московского медицинского института, заслуженный деятель науки, который, как пояснила мне Тиля Соломоновна Левит, был «в величайшем почёте у партийных начальников»). Заместителями председателя Комиссии были заслуженный деятель науки профессор С.Н. Давиденков и заслуженный деятель науки профессор А.Д. Сперанский, а членами комиссии профессора Л.Н. Федоров, Б.И. Лаврентьев и Л.Я. Бляхер. С начала мая 1937 года они инспектировали институт, опрашивали членов коллектива (в тот момент в нем было около 50 научных сотрудников), просматривали лабораторные журналы и публикации. Затем С.Г. Левит как директор института сделал подробный доклад перед комиссией (сотрудники института были приглашены на это заседание) и, наконец, между 15 и 25 мая состоялось четыре многочасовых заседания комиссии, на которые были допущены некоторые из институтских сотрудников. Несмотря на попытки ряда большевиков, члена месткома института Лихтенштейна и председателя месткома аспиранта Менделевича, накалить обстановку и драматизировать внутриинститутские неурядицы, успеха они не имели. Ни один из членов комиссии не пытался недооценить важность исследований, проводящихся в ИМГ. Даже напротив, Давиденков, Сперанский и Бляхер вступали в дискуссии с теми, кто пытался бросить тень на работу института. Члены комиссии своими выступлениями и репликами давали понять, что ИМГ — это первоклассный научный центр. Они также всячески подчёркивали, что понимают и одобряют лидирующую роль директора института Левита.

Однако в конце мая ситуация вдруг резко изменилась. От комиссии было затребовано в срочном порядке окончательное заключение. Оно заняло 10 машинописных страниц (текст был напечатан через два интервала, дата на документе отсутствует, но, судя по приложенному к заключению «особому мнению» С.Н. Давиденкова, помеченному 22 июня 1937 года, само заключение было завершено именно в этот, или предшествующий ему день). В преамбуле было сказано, что, «приступая к выполнению [своих] задач, МГИ должен был учесть характер своей тематики, возможность неправильного толкования выводов его работ буржуазными фашистски-настроенными генетиками», что:

«Увлёкшись результатами своих работ МГИ не уделил должного внимания развёртыванию самокритики, что повело к беспечности и ряду грубых политических ошибок, связанных с ослаблением большевистской бдительности. Создался, таким образом, отрыв теории от практики, что повело к аполитичности трудов ин-та, недостаточной борьбе против расизма, к грубым извращениям и политическим ошибкам (ст[атьи]. Игнатъева и Андреса²⁹)... Фашизированная псевдо-наука Запада и прежде всего Германии не нашла должного отпора в работах института»³⁰.

²⁹ Фамилии этих двух учёных были включены в документ, потому что в момент подписания его членами комиссии они оба уже были арестованы.

³⁰ Заключение Комиссии по обследованию Медико-Генетического Института НКЗ, стр. 1 и 2 (хранятся в моем архиве).

Несмотря на эти критические замечания, преамбула завершалась положительной оценкой главных достижений института, что показывало несомненное несогласие членов комиссии с огульными обвинениями этого научного центра:

«МГИ всё же проделана большая теоретическая работа, представляющая большой интерес, имеющий несомненное научное значение... На Западе работают над этим как раз передовые учёные, стоящие в оппозиции к расизму. Медико-Генетический институт также работает в этой области, осторожно и критически относясь к выдвигаемым положениям, занимая нередко самостоятельную позицию, не совпадающую с установившимися на Западе воззрениями... Есть основание думать, что близнецовый материал МГИ один из самых крупных в мире.

Таким образом, основные линии теоретической работы Ин-та по разделу генетики и антропогенетики отвечают современным требованиям, поставленным перед этим разделом науки.

МГИ поставлены также новые проблемы, которые разрешаются оригинально»³¹.

Комиссия пришла к однозначному выводу относительно будущего института:

«1. Обследованный Медико-Генетический Институт должен быть сохранен как научно-исследовательский центр по общей и медицинской антропогенетике...

2. Теоретическая часть работы Института, как имеющая основное значение в развитии этой ещё молодой дисциплины, должна быть усилена...

3. Институту надлежит расширить свою работу в отношении клиники...

5. МГИ должен поставить себе первоочередной задачей широкую борьбу с извращениями генетики в буржуазных и особенно в фашистских странах. Должен быть выпущен ряд статей о фашистских законах о стерилизации, научно обоснованных и печатаемых в различных медицинских журналах и доступных широким врачебным кругам. Институт должен стать центром советской антропогенетики, быстро откликающимся на все реакционные фашистские лженаучные положения и гипотезы по антропогенетике»³².

Член Комиссии С.Н. Давиденков приложил 22-го июня к «Заключению» свое «Особое мнение» на двух страницах. Он возразил против недооценки практических успехов института, посчитал, что неправилен вывод комиссии о недоучёте сотрудниками института влияния среды на реализацию генетического потенциала и что разрыв между успехами института в изучении антропогенетики и восприятием результатов практиками-клиницистами обусловлен плохим знанием практиками основ генетики.

В любом случае из знакомства с «Заключением» и «Особым мнением» вытекает непреложный вывод: ни члены комиссии, ни сотрудники института не предвидели трагической судьбы этого научного учреждения: его закрытия в самое ближайшее время, тем более, что Нарком здравоохранения страны был расположен благожелательно по отношению к институту.

Но через четыре дня, 26 июня 1937 года, Каминского арестовали. Это произошло на следующий день после того, как 25 июня на пленуме ЦК ВКП(б) он высказался против неоправданных арестов честных людей и против выдвижения Сталиным Л.П. Берии на пост руководителя НКВД. Каминский в 1920–1921 годах был секретарём ЦК КП(б) Азербайджана, а в августе 1921 года председателем Бакинского совета рабочих и красноармейских депутатов и знал Берия. Он резко отрицательно отозвался о новом ставленнике генсека, упомянув, что последнего подозревали в шпионаже в пользу Турции. По словам дочери Каминского:

³¹ Там же: 2–4.

³² Там же: 9–10.

«он выступил вслед за Ежовым, который потребовал особых полномочий для органов внутренних дел в связи с выявлением широкого круга „врагов“. Г.Н. Каминский спросил: „Почему членов ЦК арестовывают без ведома других членов ЦК? Это нарушение Устава партии. То, что сейчас творится, — это безумие, так можно уничтожить всю партию. Я знаю перечисленных людей как верных ленинцев“. Г.Н. Каминский связал чрезвычайные меры с внедрением Берия в окружение Сталина. Он подчеркнул необходимость контроля партии за деятельностью органов внутренних дел. Во время перерыва между заседаниями Пленума Г.Н. Каминский был арестован и на следующем заседании уже не присутствовал» [Идельчик 1991].

В воспоминаниях Н.С. Хрущева упомянут этот случай и сказано, что мгновенно после слов Каминского о Берии Сталин объявил перерыв, после которого Каминский навсегда исчез. В биографиях Каминского сказано, что он был арестован 26 июня 1937 года, что на следующий же день Пленум ЦК принял постановление «Исключить Каминского, как не заслуживающего доверия, из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из партии».

Арест наркома ускорил принятие Сталиным решения о разгроме Института медицинской генетики. Всего девятью днями позже, 5 июля 1937 года, Левита сняли с поста директора института. Около полугода он оставался безработным и был вынужден отмечаться в милиции. Чтобы не пугать жену и дочь, он каждое утро «собирался на работу», уходил из дома и шёл в библиотеку, чтобы читать новые научные журналы. Его арестовали в ночь с 10 на 11 января 1938 года, 16 мая 1938 года Сталин утвердил своей подписью распоряжение о казни учёного, 17 мая «тройка» приговорила его к смертной казни «за терроризм и шпионаж». Расстреляли Левита 29 мая 1938 года, а тело свалили в общую могилу в Бутово в пригороде Москвы.

Большинство сотрудников первоклассного института было уволено, а институт официально закрыт. Первое время оставалась небольшая лаборатория во главе с Соломоном Наумовичем Ардашниковым³³ (любимым учеником Левита), приписанная к Всесоюзному институту экспериментальной медицины, но вскоре и она была распушена.

Каминский был приговорён к расстрелу военной коллегией Верховного суда СССР 8 февраля 1938 года (Сталин поставил свою подпись на утверждении этого решения членами Политбюро) и был расстрелян через день. Было ему 42 года. Раковского арестовали 27 января 1937 года и расстреляли 11 сентября 1941 года по личному распоряжению Сталина в Медведском лесу под Орлом без суда и следствия. Все обвинения против обоих невинных и заслуженных людей были расценены Военной Коллегией Верховного Суда СССР в 1955 году, после смерти Сталина, как фальсифицированные, и невинно осуждённые были реабилитированы.

Агола И.И. 1927. *Диалектический метод и эволюционная теория*. — М.–Л., Госиздат.

Агола И.И. 1929. *Задачи марксистов в области естествознания*.

Агола И.И. 1936. *Хочу жить*. — М., Гослитиздат.

Андреев М. 1935. *Казанский медицинский журнал*. — Т. 31. — № 5.

Астауров Б.Л., Рокицкий П.Ф. 1975. *Николай Константинович Кольцов*. — М.: Наука.

Ахматова Анна 1963. *Реквием*. — Мюнхен.

---

³³ С.Н. Ардашников (08.02.1908–29.01.1963) после войны был привлечён И.В. Курчатовым к руководству закрытым институтом по изучению медицинских проблем радиации на Южном Урале (так называемый ФИБ-1), но под нажимом Лысенко он был уволен после 1948 года и с этой должности, и в 1960 году И.В. Курчатов зачислил его в радиобиологический отдел Института атомной энергии АН СССР на должность заведующего сектором (так называли лаборатории в этом институте). Он стал моим научным руководителем, когда в 1961 году я был принят в аспирантуру в этот институт. Скончался Ардашников от острой лучевой болезни.

- Баур 1913. *Введение в экспериментальное изучение наследственности*. — Юрьев.
- Бедный Д. 1932. «Евгеника». — Газета «Известия», 4 апреля 1930 г. — *полное собрание сочинений Д. Бедного*, том 2. — М.-Л.
- Братья Тур. 1936а. В пылу увлечения. — Газета «Известия». — 10 декабря.
- Братья Тур. 1936б. Контрамарка в Пантеон. — Газета «Известия». — 16 ноября.
- Бумке О. 1926. *Культура и вырождение*. — М.
- Бунак В.В. 1922. О деятельности Русского Евгенического Общества. — *Русский Евгенический Журнал*. — Т. 1. — № 1.
- Вавилов Н.И. 1987. Письмо Н.И. Вавилова Г.Д. Карпеченко от 10 февраля 1930 года. — *Научное наследие Н.И. Вавилова (1929–1940)*. — М.: Наука.
- Вопросы истории... 1997. *Вопросы истории естествознания и техники*. — № 1.
- Галачьян А.Г., Юдин Т.И. 1924. *Опыт наследственно-биологического анализа одной маниакально-депрессивной семьи*.
- Гальтон Фрэнсис 1869. *Hereditary Genius*.
- Гельвеций Клод 1938. *Об уме*. — М.: ОГИЗ-Гос. соц.-экономиздат.
- Гурвич К. 1928. Указатель литературы по вопросам евгеники, наследственности и селекции и сопредельных областей, опубликованной на русском языке до 1/1 г. — *Русский евгенический журнал*. — Т. 6. — Вып. 2–3.
- Гэтс Р. 1926. *Наследственность и евгеника*. — Л.
- Дьяконов Д.М., Лус Я.Я. 1922. *Распределение и наследование специальных способностей*. — Том 1. — Вып. 1.
- Жебрак Э.А. 2004. Нобелевский лауреат Герман Мёллер против Академии наук. — *Журнал «Человек»*. — № 5.
- Жирнов Е. 2003. Полвека без Сталина. — *Журнал «Власть»*. — № 4(511). — Доступно: <http://www.kommersant.ru/doc-rss.aspx?DocsID=36887616>. — Проверено: 12.12.2014.
- Заккрытие съезда... 1936. *Заккрытие съезда невропатологов и психиатров. Выступление тов. Г.Н. Каминского*. — «Правда». — 30 декабря.
- Идельчик Х.Я. 1991. *Репрессированная наука*. — Л. — Доступно: www.ihst.ru/projects/sohist/books/os/461-472.pdf. — Проверено: 12.12.2014.
- Инженер Авдеев (Авава). 1931. Препградить путь Волге в Каспийское море. — Газета «Известия». — 1 ноября. — №302 (4509).
- Инженер Б. Кажинский 1931. *Научимся управлять погодой*. — 22 ноября. — № 321 (4528).
- Иоганнсен В.Л. 1933. *Элементы точного учения об изменчивости и наследственности с основами биологической вариационной статистики*. — Л.
- Иоганнсен В.Л. 1935. *О наследовании в популяциях и чистых линиях*. — М.
- Кайданов Л.С. 1994. Формирование кафедры генетики и экспериментальной зоологии (1913–20). — *Журнал «Исследования по генетике»*. — № 11.
- Канаев И.И. 1936. — *Журнал «Природа»*. — Февраль.
- Канаев И.И. 1971. Антропогенетика и практика. — *Наука и техника (вопросы истории и теория). Материалы к годичной конференции Ленинградского отделения Советского национального объединения истории и философии естествознания и техники*. — Выпуск VI. — Ленинград.
- Канаев И.И. 1973. О работах Медико-генетического института имени М. Горького. — *Наука и техника (вопросы истории и теория). Материалы к годичной конференции Ленинградского отделения Советского национального объединения истории и философии естествознания и техники*. — Выпуск VIII. — Часть вторая. — Ленинград.

- Карлик Л. 1936. Труды МБИ. — Вып. III.; Труды МГИ. — Вып. IV. — *Под знаменем марксизма*. — № 12.
- Кольман Э. 1936. Черносотенный бред фашизма и наша медикобиологическая наука. — *Под знаменем марксизма*. — № 11.
- Кольцов Н.К. 1927. Физико-химические основы морфологии. — *Труды 3-го съезда зоологов, анатомов и гистологов в Ленинграде*.
- Кольцов Н.К. 1928. — *Успехи современной биологии*. — Сер. Б. — Т. 7.
- Кольцов Н.К. 1935. Современные взгляды на наследственность. — *Журнал «Наука и жизнь»*. — №1, №5.
- Кольцов Н.К. б/д. Родословные наших выдвиженцев. — *Русский евгенический журнал*. — Т. 4. — Вып. 3–4.
- Конашев М.Б. 1994а. Бюро по евгенике (1922–30). — *Исследования по генетике*. — Вып. 11.
- Конашев М.Б. 1994б. Лысенкоизм под охраной спецхрана. — *Репрессированная наука*. — Вып. 2. — СПб: Наука.
- Конашев М.Б. 1994с. Школа генетиков Ю.А. Филипченко. — *Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга, часть 2, книга 2* (под редакцией С.А. Кугеля). — СПб.
- Конклин Э.Г. 1928. *Наследственность и среда*. — М.
- Кун Миклош 1991. Как создавались портреты революционеров. — *Лев Троцкий. Портреты революционеров*. — М.: Московский рабочий.
- Купайгородская А.П. 1998. Научные общества в советской государственной системе (20–30 гг.). — *Наука и техника: Воп. истории и теории. Тез. XIX конференции СП отделения Национального комитета по истории и философии науки и техники (23–25 ноября 1998, СПб.)*. Вып. XIV. — СПб.: СПб филиал ИИЕТ РАН.
- Кутанин Н.П. 1927. *Отчёт о работе Саратовского отделения Русского Евгенического Общества*. — Т. 5. — № 2.
- Левит С.Г. 1927. Проблема конституции в медицине и диалектический материализм. — *Медицина и диалектический материализм: Труды кружка врачей-материалистов 1-го МГУ за 1925–26 гг.* — М.
- Левит С.Г. 1929. Генетика и патология. В связи с современным кризисом медицины. — Труды Кабинета наследственности и конституции человека при Медико-биологическом институте. Вып. I. — *Медико-биологический журнал*. — Вып. 5. — С.20–39.
- Левит С.Г. 1930. Человек как генетический объект и изучение близнецов как метод антропогенетики. — Труды Генетического отделения человека при Медико-биологическом институте. — Вып. II. — *Медико-биологический журнал*. — Вып. 4–5.
- Левит С.Г. 1932. Дарвинизм, расовый шовинизм, социал-фашизм. — *Учение Дарвина и марксизм-ленинизм*. — М.
- Левит С.Г. 1936. Предисловие. — *Труды Медико-генетического института*. — Т. IV. — М.-Л.: Биомедгиз.
- Левит С.Г., Ардашников С.Н. 1934. *Тр. Медико-биологического НИИ им. М. Горького*. Т. 3. — М.-Л.
- Лепин Т. К., Лус Я.Я., Филипченко Ю.А. 1925. Действительные члены бывшей Императорской, ныне Российской Академии за последние 80 лет. — *Известия Бюро по Генетике*. — Вып. 3.
- Лихачев Д.С. 1995. *Воспоминания*. — СПб.: Изд. Logos.
- Люблинский П.И. 1926. *Новые книги*. — Т. 4. — Вып. 3–4.
- М.Ц. 1936. Против антинаучных враждебных «теорий». — *Газета «Комсомольская правда»*. — 15 ноября.

- Мёллер Г.Г. 1937. *Избранные работы*. — М.-Л.
- Мёллер Г.Г. 1997. Письмо Г. Мёллера И.В. Сталину. — *Вопросы истории естествознания и техники*. — № 1.
- Морган Т.Г. 1924. *Структурные основы наследственности*. — М.-П.
- Морган Т.Г. 1927. *Теория гена*. — Л.
- Морган Т.Г. 1933. Развитие генетики. — *Журнал «Усп. соврем. биол.»*. — № 2.
- Морган Т.Г. 1937. *Избранные работы по генетике*. — М.-Л.
- Научное наследие... 1987. *Научное наследие Н.И. Вавилова (1929–1940)*. — М.: Наука.
- Островский А.Д. 1936. — *Журнал «Советская педиатрия»*. — № 2.
- Пайнтер Т.С., Бриджес К.Б. 1937. *Строение гигантских хромосом*. — М.
- Пеннет Р. 1930. *Менделизм*. — Л.
- По ложному пути... 1936. По ложному пути. — *«Правда»*. — 26 декабря.
- Польнин В. 1969. *Пророк в своем отечестве*. — М.: Советская Россия.
- Поляков И.М., Дубовский Н.В. 1935. — *Журнал «Эксперимент. Медицина»*. — № 5.
- Рапопорт Я.Л. 1935. *Архив патологической анатомии и физиологии*. — Т. 1. — № 5–6. РГАЭ, ф. 8390, оп. 1, д. 763, лл. 210–212.
- Резолюция конференции... 1934. Резолюция конференции по медицинской генетике. — *Журнал «Советская клиника»*. — Т. 20. — № 7–8.
- Рохлина М. 1935. — *Журнал «Книга и пролетарская революция»*. — № 9.
- Рукописный отдел РНБ... б/д. Рукописный отдел Российской Национальной Библиотеки, ф. 813, д. 363, лл. 48–48 об.
- Сахаров В.В. 1924. Разбор музыкальных генеалогий, разобранных на евгеническом семинаре проф. Н.К. Кольцова. — *Русск. Евген. Журнал*. — Т. 2. — Вып. 2–3.
- Сегалин Г.В. 1925. *Психо-эвротическая пропорция гениальной одарённости*. — Т. 1. — Вып. 4.
- Сегалин Г.В. 1927а. *Эвропатология музыкально-одарённых людей. Клинический архив гениальности и одарённости (эвропатология)*. — Т. 3. — № 4.
- Сегалин Г.В. 1928. *К патогенезу ленинградских учёных и деятелей искусств*. — Т. 4. — № 3.
- Сегалин Г.В. 1930. *Изобретатели как творческие невротики (эвроневротики)*. — Т. 5. — Вып. 2.
- Сегалин Г.В. 1927б. *Нервно-психическая установка музыкально одарённого человека*. — Свердловск.
- Серебровский А.С. 1926. Теория наследственности Моргана и Менделя и марксисты. — *Под знаменем марксизма*. — Т. 3.
- Серебровский А.С. 1927. Четыре страницы, которые взволновали учёный мир. — *Правда*. — 11 сентября.
- Серебровский А.С. 1929. Антропогенетика и евгеника в социалистическом обществе. — *Медико-биологический журнал*. — М. — № 5.
- Серебровский А.С. 1930б. Письмо в Редакцию. — *Труды Генетического отделения при Медико-биологическом институте*. — М. — Вып. II.
- Серебровский А.С. 1930а. Исследование ступенчатого аллеломорфизма. Трансген scute 6. — *Журнал экспериментальной биологии*. — Т. 6. — Вып. 2.
- Сойфер В.Н. 1969. *Арифметика наследственности*. — М.: Детгиз.
- Сойфер В.Н. 2002. *Власть и наука. Разгром коммунистами генетики в СССР*. — Москва: ЧеРо.
- Сойфер В.Н. 2002. Мужество великого Кольцова. — *Журнал «Наука и жизнь»*. — № 8.

Титов П.И. 1939. Издавать классиков биологии — прекратить популяризацию менделизма и морганизма. — *Вестн. с.-х. лит.* — № 5.

Труды кабинета... 1929. Труды кабинета наследственности и конституции человека при Медико-биологическом и-те. — М. — Вып. 1. — *Медико-биологический журнал*.

Труды Медико... 1936. *Труды Медико-генетического института имени М. Горького* (редактор С.Г. Левит, секретарь С.Н. Ардашников), Т. 4. — М.-Л.: Госиздат. Биол. и медиц. лит-ры.

Фандо Р.А. 2002. Полемика о судьбе евгеники (в поэтическом жанре). — *Вопросы истории естествознания и техники.* — № 3.

Филипченко Ю.А. 1918. Евгеника. — *Журнал «Русская мысль».* — № 3–4.

Филипченко Ю.А. 1922а. Бюро по евгенике. — *Известия Бюро по евгенике.* — Т. 1.

Филипченко Ю.А. 1922б. Статистические результаты анкеты по наследственности среди ученых Петербурга. — *Известия Бюро по евгенике.* — Т. 1. — Вып. 1.

Филипченко Ю.А. 1924а. *Наследственность.* — Л.

Филипченко Ю.А. 1924б. *Некоторые результаты анкеты по наследственности среди ленинградских студентов.* — Т. 2. — Вып. 2.

Филипченко Ю.А. 1924с. *О влиянии скрещивания на состав популяции.* — Т. 2. — Вып. 2.

Филипченко Ю.А. 1924д. *Пути улучшения человеческого рода (евгеника).* — Л.

Филипченко Ю.А. 1924е. *Статистические результаты анкеты по наследственности среди учёных Петербурга.* — Т. 2. — Вып. 2.

Филипченко Ю.А. 1925. *Наследственны ли приобретённые признаки?* — Л.

Филипченко Ю.А. 1925а. Новая литература по генетике (1923–24). — *Журнал экспер. биологии.* — Т. 1.

Филипченко Ю.А. 1925б. Новые журналы и новые книги по евгенике. — *Русск. евгенич. журнал.* — Т. 3. — Вып. 2.

Филипченко Ю.А., Лепин Т.К. 1921. *К вопросу о наследовании цвета глаз и волос.* — Вып. 1.

Фриз Г. де. 1932. *Избранные произведения.* — М.

Четвериков Н.С. 1963. *Статистические и стохастические исследования.* — М.: Госстатиздат.

Чехов А.П. 1985. Из письма А.С. Суворину. — *Собрание Сочинений.* — Изд. «Правда». — Т. 12.

Юдин Т.И. 1922. Рефераты нем. работ и книг по наследственности у человека и евгенике. — *Русск. евген. журнал.* — Т. 1. — Вып. 1.

Юдин Т.И. 1924. Сходство близнецов и его значение в изучении наследственности. — *Русск. евгенич. журнал.* — Т. 2. — Вып. 1.

Юдин Т.И. 1925. *Евгеника.* — М.

Adams M.B. 1990. Eugenics in Russia. 1900–1940. — *The Well-born Science Eugenics in Germany, France, Brazil and Russia* (M.B. Adams, ed.). — New York, Oxford, Oxford University Press.

Adams M.B. 1989. Filipchenko Iurii Aleksandrovich. — *Dictionary of Scientific Biography, suppl. 2.* — New York, Charles Scribners & Sons.

Adams M.B. 1968. The Foundation of Population Genetics: Contribution of the Chetverikov School 1924–1934. — *Journal of the History of Biology.* — Spring.

Chetverikov Sergei 1998. the Kol'tsov Institute and the Evolutionary Synthesis. — *Evolutionary Synthesis* (Ernst Mayr and William B. Provine, eds.). — Cambridge, Mass., Harvard University Press.

Graham L.R. 1977. Science and Values: The Eugenics Movement in Germany and Russia in the 1920s. — *The American Historical Review*. — V. 85. — No. 2.

Haldane J.B.S. 1935. The rate of spontaneous mutations of a human gene. — *J. Genet.* — V. 31.

Joravsky D. 1986. *The Lysenko Affair*. — The University of Chicago Press, Chicago and London.

Koltzoff N. K. and C. B. Bridges 1934. Intimate details of chromosome structure described by Moscow researchers. — *Sci. Serv.* — October Issue.

Koltzoff N.K. 1906. Studien ueber die Gestalt der Zelle. I. Untersuchungen ueber die Spermien der Decapoden als Einleitung in das Problem der Zellengestalt. — *Arch. Mikrosk. Anat. entw. Mech.* — Bd. 67

Koltzoff N.K. 1908. Studien ueber die Gestalt der Zelle. II. Untersuchungen ueber das Kopfskelett des tierischen Spermiums. — *Arch. Zellforsch.* — Bd. 2.

Koltzoff N.K. 1934. The structure of the chromosomes in the salivary glands of *Drosophila*. — *Science*. — V. 80. — No. 2075.

Koltzoff N.K. 1906. Ueber das Skelett des tierischen Spermiums. — *Biol. Zbl.* — Bd. 26. — No. 23.

Koltzoff N.K. 1903. Ueber formbestimmende elastische Gebilde in Zellen. — *Biologisches Zentralblatt*. — Bd. 23.

Membership... 1924. Membership and organization of the International Commission of Eugenics. — *Eugenics News*. — N. 2.

Muller H.J. 1935. Human Genetics in Russia. — *Journal of Heredity*. — V. 26. — No. 5.

Science... 1980. Science, Ideology and Structure. The Kol'tsov Institute 1900–1970. — *The Social Context of Soviet Science (Linda Lubrano and Susan Solomon, eds.)*. — Boulder, Colorado, Westview Press.

Soyfer V.N. 2001. The Consequences of Political Dictatorship on Russian Science, *Nature Reviews*. — *Genetics*. — V. 2.